

КОЛИН МАККАЛОУ

Включить.
Выключить

Кармайн Дельмонико

Колин Маккалоу

Включить. Выключить

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.111-312.4(94)

ББК 821.111-312.4(94)

Маккалоу К.

Включить. Выключить / К. Маккалоу — «Издательство АСТ»,
2006 — (Кармайн Дельмонико)

ISBN 978-5-17-092048-8

В научно-исследовательском институте неврологии найден расчлененный труп шестнадцатилетней девушки. Лейтенант Кармайн Дельмонико уверен: убийца – сотрудник института, ведь посторонний человек проникнуть в здание не сможет. Но кто из видных ученых совершил это чудовищное преступление? Подозревать можно практически каждого, а между тем таинственный убийца, которого вездесущая пресса называет Призраком, уже нашел очередную жертву. Дельмонико начинает расследование и очень скоро приходит к выводу: единственный способ поймать маньяка – понять, как эти убийства связаны с ужасным преступлением, совершенным тридцать лет назад...

УДК 821.111-312.4(94)

ББК 821.111-312.4(94)

ISBN 978-5-17-092048-8

© Маккалоу К., 2006

© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Колин Маккалоу

Включить. Выключить

Colleen McCullough

ON, OFF

Печатается с разрешения InkWell Management LLC и литературного агентства Synopsis.

© Colleen McCullough, 2006

© Перевод. У. В. Сапцина, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Часть I

Октябрь – ноябрь 1965 г.

Глава 1

Среда, 6 октября 1965 г.

Джимми просыпался постепенно, сначала осознавая только одно: пронизывающий холод. Стучали зубы, ныло все тело, онемели пальцы. А почему он ничего не видит? Вокруг – кромешная темнота. Он и не подозревал, что мрак бывает настолько беспросветным. Приходя в себя, он понял, что его заперли в каком-то тесном, вонючем, чужом закутке. И спеленали! В панике он завизжал и принялся лихорадочно раздирать то, что сковывало его движения. Материал трещал и рвался, а когда Джимми наконец высвободился, его охватил просто адский холод. От ужаса он замер. Со всех сторон его окружали какие-то предметы, от некоторых исходил уже знакомый Джимми запах материала, в который его упаковали, но сколько он ни визжал и ни рвался, никто его не услышал. И он продолжал кричать и метаться, слыша только свой голос и стук собственного сердца.

Отис Грин и Сесил Поттер прибыли на работу вместе, встретившись, как было условлено, на Одиннадцатой улице, еще издали широко улыбаясь друг другу. На службе они были в семь ноль-ноль. Хотя получать нагоняй за опоздание им было не от кого, а это большой плюс! Да, работенка у них завидная, ничего не скажешь. Прихваченные из дома коробки с обедом они поставили в отдельный шкафчик из нержавеющей стали, к которому, кроме них, никто не притрагивался – даже запирает ни к чему, воришек на работе нет. А потом взялись за дело.

Сесил уже слышал, что его зовут подопечные, поэтому направился сразу к ним и с порога заговорил:

– Привет, ребяташки! Ну как вы тут, а? Выспались?

Когда за Сесилом закрылась дверь, Отис принялся за самую неприятную часть своей работы – опустошение холодильника. Он подкатил на тележке пластиковый бак, пахнущий чистотой и свежестью, заправил в него новый мусорный пакет, придвинул бак вплотную к дверце холодильника – тяжелой, стальной, с тугой ручкой. Дальше все было как в тумане: едва Отис открыл дверцу, что-то с воем вырвалось из холодильника.

– Сесил, сюда! – крикнул Отис. – Джимми жив, держи его!

Большая мартышка словно обезумела. Но когда Сесил заговорил и протянул руки, Джимми метнулся к нему в объятия, прильнул дрожа, и его визг сменился всхлипыванием.

– Боже, Отис, – заговорил Сесил, баюкая обезьяну, как отец любимое дитя, – как мог доктор Чандра ошибиться? Малыш просидел в запертом холодильнике всю ночь. Ну-ну, Джимми, успокойся! Папа здесь, детка, теперь все будет хорошо!

Приятели были в шоке. У Отиса бешено колотилось сердце, хотя все и закончилось благополучно. «Доктор Чандра сойдет с ума от радости, когда узнает, что Джимми жив, – думал Отис, снова направляясь к холодильнику. – Джимми стоит сотни больших обезьян».

Несмотря на фанатичную любовь к чистоте, Отису никак не удавалось изгнать из холодильника запах смерти. А он старался, тщательно мыл его внутри дезинфицирующими средствами и дезодорантами. Застоялая вонь, но не разложения, а каких-то более сложных процессов ударила в нос Отису, едва он включил свет и сунулся в нержавеющее стальное нутро. Ох и нашкодил Джимми! Разорвал бумажные пакеты, разбросал безголовые трупы крыс, клочки жесткой белой шерсти, мерзкие голые хвосты. Пострадали и еще какие-то большие пакеты.

Вздохнув, Отис сходил за новыми пакетами и принялся наводить порядок. Побросав в пакетыдохлых крыс, Отис подтянул из пронизывающего холода камеры два оставшихся пакета. Оба были вспороты сверху донизу, и их содержимое стало выскальзывать наружу.

Отис разинул рот и завизжал пронзительнее Джимми, и не умолк, даже когда из обезьянней комнаты примчался Сесил. Забыв о товарище, Отис круто развернулся и бросился прочь из вивария. Он пронесся по всей Одиннадцатой улице со скоростью ветра и взлетел на второй этаж старого трехквартирного дома.

Когда Отис ворвался в кухню, Селеста Грин с племянником пили кофе. Оба вскочили. Страстная речь Уэсли, обличающего преступления белых, оборвалась на полуслове. Селеста поспешила за нюхательными солями, а Уэсли усадил Отиса и стоял около него до тех пор, пока вернувшаяся Селеста бесцеремонно не отпихнула племянника.

– Знаешь, Уэс, в чем твоя беда? Вечно ты путаешься под ногами! Отис! Отис, дорогой, очнись!

От флакона шла аммиачная вонь. Буровато-серая кожа Отиса не стала, как прежде, шоколадной, но он вздрогнул и отдернул голову.

– Что? Что случилось? – допытывался Уэсли.

– К-к-кусочек женщины, – прошептал Отис.

– Что?! – воскликнула Селеста.

– Кусочек женщины. В холодильнике, на работе, средидохлых крыс... Живот и то, что пониже. – Отиса затрясло.

Уэсли задал единственный волновавший его вопрос:

– Белая или чернокожая?

– Да отстань ты от него, Уэс! – крикнула Селеста.

– Не черная, – Отис схватился за грудь, – и не белая. Цветная, – добавил он и, вдруг обмякнув, сполз на пол.

– Звони в «Скорую»! Живее, Уэс!

«Скорая» приехала очень быстро благодаря стечению двух удачных обстоятельств: во-первых, больница Холломена находилась совсем рядом, за углом, а во-вторых, в ранний час вызовов было мало. Отиса Грина погрузили в машину, жена, пригнув голову, забралась туда же. В квартире остался только Уэсли Леклерк.

Но у родных он не стал задерживаться – с такими-то новостями! О них следовало сообщить Мохаммеду эль-Несру, который жил в доме номер 18 по Пятнадцатой улице. Кусочек женщины! И не белой, и не черной. Цветной. По разумению Уэсли и всей «черной бригады» Мохаммеда, что черная, что цветная – все едино. Белым давно пора ответить за двести лет угнетения, за то, что они обращались с чернокожими как с гражданами второго сорта – нет, как со скотом, у которого нет бессмертной души.

Освободившись из тюрьмы в Луизиане, Уэсли решил податься на север – в Коннектикут, к тете Селесте. Он мечтал, чтобы у него была репутация человека, который кое-что значит, а добиться ее проще там, где чернокожих не сажают за решетку за каждую мелкую провинность, как в Луизиане. К тому же в Коннектикуте обосновался Мохаммед эль-Неср со своей «черной бригадой». Мохаммед из образованных, с дипломом доктора права – что-что, а свои права он знает! Но по той же причине, которую Уэсли ежедневно видел в зеркале, Мохаммед эль-Неср досадливо отмахнулся от него. Негр с плантаций, черная рвань, ничтожество. Но это не охладило пыл Уэсли: он еще заявит о себе в Холломене! И заявит так громко, что когда-нибудь Мохаммед будет смотреть снизу вверх на него, Уэсли Леклерка, негра с плантации.

Сесил Поттер, заглянув в холодильник, сразу понял, отчего вопящий Отис удрал из вивария, но панике не поддавался. И к содержимому холодильника не прикоснулся. Звонить в поли-

цию он тоже не стал. Просто связался по внутреннему телефону с профессором, прекрасно зная, что тот у себя, несмотря на ранний час. Он всегда говорит, что лишь по утрам никто не отвлекает его от работы. «Но сегодня утром, – думал Сесил, – профу придется отвлечься».

– Печально, – сказал лейтенант Кармайн Дельмонико своему товарищу по оружию, а формально – начальнику, капитану Дэнни Марчиано. – Родных у них нет, детей возьмет под опеку государство.

– А ты уверен, что виноват он?

– Абсолютно. Бедолага твердил, будто в дом вломился неизвестный. Но когда в постели нашли его жену с любовником, у того была перерезана глотка, а из женщины сделали отбивную. Это он, точно тебе говорю. Вот увидишь, сегодня расколется.

Марчиано поднялся.

– Ну, тогда пойдем завтракать.

Зазвонил телефон. Марчиано выразительно пошевелил бровями, переглянувшись с Кармайном, и снял трубку. Его лицо вытянулось, он нахмурился и подтянулся, вмиг утратив довольный вид. Прошептал Кармайну одними губами: «Сильвестри!» – он продолжал слушать и кивать.

– Конечно, Джон. Я сейчас же подключу Кармайна и сразу направлю туда Патси.

– Проблемы?

– Еще какие. Сильвестри только что звонил глава Хага, профессор Роберт Смит. У них в холодильнике, в виварии, нашли часть труп женщины.

– Ч-черт!

Сержанты Кори Маршалл и Эйб Голдберг завтракали в «Мальволио» – закуской, облюбованной полицейскими из-за близости к зданию окружного полицейского управления на Сидар-стрит. Заходить внутрь Кармайн не стал – просто постучал костяшками пальцев по стеклу возле столика, за которым сидели Эйб и Кори, запивая кофейком из больших кружек горячие оладьи с кленовым сиропом. «Везунчики, – думал Кармайн. – Отправились подкрепиться, а я задержался, чтобы отчитаться перед Дэнни, и вот – остался без завтрака. Одна морока с этими руководящими должностями».

«Форд», который Кармайн считал собственным (на самом деле он принадлежал полицейскому управлению, но имел обычные номера), был оснащен форсированным восьмицилиндровым движком, полицейскими рессорами и амортизаторами. Когда в машину садились все трое, Эйб всегда занимал место за рулем, Кори – рядом с ним, а Кармайн с бумагами разваливался на заднем сиденье. Инструктаж с Кори и Эйбом занял полминуты, поездка с Сидар-стрит до Хага – меньше пяти.

Холломен расположен у береговой линии Коннектикута, его обширная гавань обращена к проливу и Лонг-Айленду. Основанный пуританами в 1632 году, он всегда процветал. И не только благодаря многочисленным предприятиям на окраинах города и берегах реки Пеко. Немалая часть стопятидесятитысячного населения города имеет отношение к Чаббу – университету из «Лиги плюща», не признающему превосходство даже Гарварда и Принстона. Город и университетский городок – одно неразделимое целое.

Главный кампус Чабба выходит тремя сторонами на центральную лужайку, его строения в раннем колониальном георгианском стиле и готические здания девятнадцатого века соседствуют с современными постройками, с которыми аборигены мирятся лишь потому, что за каждой стоит какое-нибудь августейшее архитектурное имя. Кроме них, есть еще Сайенс-Хилл, расположенный в восточной стороне лужайки: там, в квадратных башнях из темного кирпича и листового стекла, обосновались жрецы естественных наук, а западнее – медицинская школа Чабба.

Медицинским школам свойственно соседствовать с больницами, а больничным районам, особенно в 1965 году, – пользоваться репутацией худших в городе. И в этом Холломен не исключение. Медицинская школа Чабба и городская больница, двенадцатизэтажная громадина, отстроенная в 1950 году, стоят друг напротив друга на Оук-стрит, у южной границы негритянского гетто, прозванного Ямой, потому что раньше здесь было болото. В довершение всех бед в 1960 году нефтяные цистерны из Восточного Холломена перенесли в конец Оук-стрит, на пустырь между шоссе и гаванью.

Центр неврологических исследований Джексона находится там же, на Оук-стрит, напротив жилого корпуса Шейн-драйвер для студентов-медиков: 100 комнат на 100 человек. Рядом – корпус Паркинсона, предназначенный для медицинских исследований.

– А почему Хьюлинга Джексона называют «Хаг»? – спросил Кори, поворачивая машину на земляную дорожку, рассекающую гигантскую автостоянку.

– Наверное, по трем первым буквам имени, – предположил Кармайн.

– Хаг? Несolidно как-то. Почему бы не взять первые четыре буквы? Получилось бы Хью¹.

– Спроси у профессора Смита, – посоветовал Кармайн, оглядывая местность.

Хаг оказался уменьшенным аналогом Биологического корпуса Берка и Естественного корпуса Зюскинда, стоящих по другую сторону Сайенс-Хилла, и представлял собой примитивную приземистую башню из темного кирпича с многочисленными окнами из цельных листов стекла. Ее возвели на трех акрах земли в районе бывших трущоб, которые снесли, чтобы увековечить имя загадочного человека, не имевшего к этому зданию ровным счетом никакого отношения. Да кто он такой, этот Хьюлингс Джексон? Этот вопрос задавал каждый житель Холломена. По справедливости Хаг следовало бы назвать в честь его спонсора – до неприличия богатого Уильяма Парсона, ныне покойного.

За неимением ключа от стоянки Эйбу пришлось парковать машину на Оук-стрит, прямо возле здания, которое, впрочем, выходов на эту улицу не имело. Хрустя гравием, трое полицейских обошли здание с северной стороны и приблизились к стеклянной двери, где их уже ждала необычайно рослая женщина.

«Похоже на детский кубик посреди огромного зала, – думал Кармайн, – здание с длиной стены всего тридцать метров на таком большом участке. А у незнакомки в руках папка с зажимом. Типичный администратор, а не медик. Кармайн машинально фиксировал в памяти приметы каждого человека, который выплывал ему навстречу из людского моря, поэтому ему было чем заняться в ожидании, пока женщина подойдет ближе: рост – почти метр девяносто, возраст – чуть за тридцать, темно-синий брючный костюм сидит мешком, обувь без каблучков, на шнурках, цвет волос – сероват, нос великоват, подбородок заметно выдается вперед. Даже десять лет назад она не смогла бы претендовать на титул «Мисс Холломен», не то что «Мисс Коннектикут». Но, остановившись перед незнакомкой, Кармайн отметил, что у нее очень чистые, прозрачные глаза цвета льда, а он всегда считал этот оттенок красивым.

– Это сержанты Маршалл и Голдберг. Я лейтенант Кармайн Дельмонико, – коротко представился он.

– Дездемона Дюпре, управляющий директор, – отозвалась она и пригласила всех в тесный вестибюль с двумя лифтами. Но вместо того чтобы нажать кнопку «вверх», Дездемона открыла дверь напротив лифтов, и они очутились в широком коридоре.

– Здесь, на первом этаже, у нас виварий и лаборатории, – сообщила Дездемона с акцентом, который выдавал в ней уроженку другого берега Атлантики. За поворотом оказался еще один коридор. Дездемона указала вперед, на две двери. – Вам туда, в виварий.

¹ Первые три буквы в слове Hughlings, Hug, читаются как «Хаг» и созвучны слову «объятия», первые четыре буквы, Hugh, – как «Хью» и созвучны распространенному имени. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Спасибо, дальше мы справимся сами, – заявил Кармайн. – Пожалуйста, подождите меня у лифтов.

Женщина вскинула брови, но круто повернулась и удалилась, не обронив ни слова.

Толкнув дверь, Кармайн попал в просторную комнату, вдоль стен которой выстроились шкафы и мусорные баки. Высокие стеллажи, заставленные клетками, в которых могла бы поместиться кошка или собака, ровными рядами стояли напротив большого служебного лифта. На других стеллажах разместились пластмассовые коробки, затянутые сверху проволоочной сеткой. В комнате стоял свежий смолистый запах, как в сосновом лесу: надо было как следует привыкаться, чтобы различить сквозь него другой, менее приятный.

Сесил Поттер был симпатичным парнем – рослым, стройным, очень опрятным, в отутюженном белом комбинезоне и холщовых бахилах. Кармайн подумал, что Сесил, наверное, часто смеется, но сейчас в его глазах не было и тени улыбки.

В этом году, памятным приказом о басинге² и вызванными им беспорядками, Кармайн взял себе за правило учтиво обходиться со всеми чернокожими, с которыми сталкивался по работе или в обществе. Поэтому он пожал руку Сесилу и представился. Кори и Эйб, преданные своему начальнику, в точности повторили его действия.

– Это здесь, – сообщил Сесил, указывая на дверь из нержавеющей стали с ручкой-замком. – Я ни к чему не прикасался, только дверцу прикрыв. – Поколебавшись, он решился спросить: – Лейтенант, вы не против, если я вернусь к ребятишкам?

– К ребятишкам?

– К обезьянам. Макакам. Слово «резус» вам что-нибудь говорит? Так вот к ним. Они страшно переполошились. Узнали от Джимми, где он побывал, и никак не могут уговориться.

– Джимми?

– Та обезьяна, которую доктор Чандра сунул в холодильник вчера вечером, – видно, решил, что издохла. По правде говоря, это Джимми нашел труп: он изодрал в холодильнике все пакеты, когда очнулся, и чуть не отморозил себе зад. Когда Отис – мой помощник и подручный – открыл холодильник, чтобы опорожнить, Джимми ринулся наружу и поднял крик. А потом Отис нашел это и развопился хуже Джимми. Я пришел, понял, в чем дело, и позвонил профессору. А он, видимо, позвонил вам.

– И где сейчас Отис? – спросил Кармайн.

– Насколько я знаю Отиса, домой побегал, к Селесте. Она ему и жена, и мама.

Все трое надели перчатки, Эйб откатил мусорный бак от двери, Кармайн открыл холодильник, а Сесил отправился к обезьянам, заранее прищелкивая языком и воркуя.

Один из больших пакетов по-прежнему лежал в глубине камеры. А в другом, разорванном сверху донизу, они обнаружили нижнюю половину женского туловища. Кармайн сразу обратил внимание на его размеры и отсутствие волос на лобке. У него упало сердце: ребенок, не достигший половой зрелости? О нет, только не это! Даже не попытавшись прикоснуться к находке, он отошел к стене.

– Дождемся Патрика, – решил он.

– Впервые чую такой запах: пахнет смертью, но не гнилью, – заметил Эйб, которому отчаянно хотелось закурить.

– Эйб, сходи разыщи миссис Дюпре – пусть встретит полицейских, а потом может идти к себе, – велел Кармайн, разгадав страдальческое выражение лица подчиненного. – Расставь наших возле всех входов и выходов, в том числе запасных. – Оставшись вдвоем с Кори, он глухо произнес: – Но почему именно здесь?

² Приказ о басинге – распоряжение о совместной доставке в школы белых и чернокожих учеников; характерная примета периода борьбы с расовой сегрегацией в США.

Патрик О’Доннелл просветил его.

Довольствуясь донельзя скромной должностью судмедэксперта, Патрик посвятил себя патологоанатомии потому, что не любил разговорчивых пациентов. А случаи скоропостижной и загадочной смерти его очень интересовали. Патрик хотел, чтобы полиция Холломена соответствовала требованиям второй половины двадцатого века. Патрик верил в научную судмедэкспертизу и играл активную роль в каждом заинтересовавшем его деле, даже если в нем не фигурировали трупы.

Внешность у него была такой же ирландской, как имя: рыжие волосы с красноватым отливом, ярко-голубые глаза. Никто и не подумал бы, что они с Кармайном двоюродные братья, сыновья сестер итальянского происхождения. Одна вышла замуж за Дельмонико, другая – за О’Доннелла. Десятью годами старше Кармайна, счастливый отец шестерых детей, Патрик ничему и никому не позволял разрушить его крепкую дружбу с двоюродным братом.

– Мне известно немного, – начал Кармайн и посвятил Патрика в подробности дела. – Так почему именно здесь? – задал он вопрос брату.

– Потому что, если бы Джимми не воскрес, эти коричневые пакеты безо всяких пометок благополучно свалили бы в какой-нибудь бак и увезли в крематорий при виварии, – морщась, растолковал Патрик. – Идеальный способ избавиться от трупа. Пых – и нет ничего, кроме дымка.

Вернувшийся Эйб услышал последние слова и побледнел.

– Ужас! – ахнул он.

Сделав фотографии, Патрик переложил пакет на каталку, в расстегнутый мешок для трупа. Потом осмотрел содержимое, стараясь не ворошить его.

– Лобковых волос нет, – сказал Кармайн. – Патси, если я тебе дорог, скажи, что это не ребенок.

– Волосы были, но их не сбрили, а выщипали, так что половой зрелости она уже достигла. Похоже, нашего убийцу тянуло на детей, но не хватило духу дать волю своим гнусным желаниям. – Патрик взял второй пакет, пострадавший меньше, и поставил его рядом с первым. – Я в морг, тебе же понадобится отчет, и, конечно, как можно скорее. – Его помощник Пол уже приготовился почистить камеру холодильника, а затем снять отпечатки пальцев. – Кстати, Кармайн, одолжи мне Эйба и Кори, а Сесил пусть возвращается к работе. У них, должно быть, и без макак подопытного зверья хватает – вон сколько чистых клеток приготовлено на смену.

– Изучите все вдоль и поперек, ребята, – напутствовал Кармайн брата и помощников, увозящих каталку с жутким грузом.

Дездемона Дюпре – странное имя! – ждала в вестибюле, шурша толстой пачкой бумаг, которую она добавила к папке с зажимом.

– Миссис Дюпре, это доктор Патрик О’Доннелл, – представил брата Кармайн.

Она изменилась в лице.

– Не миссис, а мисс, – отрезала Дюпре. – Так вы идете со мной наверх, лейтенант, или я могу быть свободна? У меня много дел.

– Потом разыщу тебя, Патси, – бросил Кармайн, входя за мисс Дюпре в лифт. – Так вы из... хм... Англии? – спросил он, пока они поднимались.

– Верно.

– Давно в Хаге?

– Пять лет.

Лифт остановился на четвертом, верхнем этаже, хотя на последней кнопке значилось «Крыша». Здесь с внутренней отделкой и планировкой здания можно было познакомиться подробнее. Верхний этаж мало чем отличался от первого: стены, выкрашенные типичной для учреждений краской цвета сливок, отделка под темный дуб, лампы дневного света с пластмас-

совыми плафонами. Этот коридор, точная копия увиденного на первом этаже, заканчивался дверью и под прямым углом сходилась с еще одним коридором.

Мисс Дюпре постучала и, получив разрешение войти, пропустила Кармайна в личные владения профессора Смита, оставшись снаружи.

Кармайн увидел одного из самых привлекательных мужчин, каких он когда-либо встречал. Роберт Мордент Смит, глава фонда Уильяма Парсона, профессор Центра неврологических исследований имени Хьюлинга Джексона, был худощав, среднего роста – не менее метра восьмидесяти, с прекрасной осанкой. Но главным было лицо: прекрасно вылепленное, с черными бровями и ресницами, ярко-синими глазами и высоким лбом под шапкой волнистых волос с проседью. В сочетании с гладкой, без складок и морщинок, кожей эта седина лишь оттеняла совершенство. Улыбка обнажала ровные белые зубы, но прекрасные глаза сегодня не затрагивала. И неудивительно.

– Кофе? – спросил он, указывая Кармайну на массивное дорогое кресло напротив столь же массивного и дорогого письменного стола.

– Да, спасибо. Без сливок и сахара.

Пока профессор заказывал по селектору два черных кофе, его гость осмотрел кабинет – просторное помещение размерами шесть на семь с половиной метров, две стены которого занимали огромные окна. Кабинет располагался в северо-восточном углу здания, и отсюда открывался вид на Яму, общежитие на Шейн-драйвер и автостоянку. Отделка кабинета была дорогой, мебель – из ореха, с плотной ситцевой обивкой, на полу ковер – обюссонский. Впечатляющая коллекция похвальных листов, грамот и дипломов занимала зеленую полосатую стену. Над столом профессора висела картина – похоже, превосходная копия пейзажа Ватто.

– Это не копия, – сообщил профессор, заметив, куда смотрит Кармайн. – Мне предоставили ее на время из коллекции Уильяма Парсона – самого большого и богатого собрания европейской живописи в Америке.

– Ого, – откликнулся Кармайн, вспомнив о дешевой репродукции Ван Гога над своим столом.

Женщина лет тридцати пяти внесла серебряный поднос с термосом, двумя изящными чашечками и блюдами, двумя хрустальными бокалами и хрустальным графином с ледяной водой. В Хаге умели принимать гостей!

«Элегантная штучка», – думал Кармайн, разглядывая вошедшую: черные волосы высоко подняты и уложены в пышный пучок, лицо широкое, гладкое, довольно плоское, ореховые глаза и прекрасная фигура; тесно облегающий костюм; туфли от «Феррагамо» на плоской подошве. То, что Кармайн знал толк в подобных вещах, объяснялось профессией, в которой было не обойтись без глубокого и всестороннего знания жизни и людской психологии. Таких женщин его мать звала мужеедками, но профессор, по-видимому, не возбуждал у вошедшей ни капли аппетита.

– Мисс Тамара Вилич, мой секретарь, – представил проф.

Ни малейшего интереса к Кармайну Дельмонико! Мисс Вилич улыбнулась, кивнула и незамедлительно удалилась.

– Две уже не юные, но незамужние особы в штате, – заметил Кармайн.

– Да, это редкая находка, – кивнул профессор, явно не спеша перейти к основной цели визита. – У замужних женщин семейные обязанности отнимают время, которое следовало бы уделять работе. А одинокие всецело посвящают себя ей и не возражают, если приходится работать допоздна.

– И энергии для работы у них побольше, это сразу видно, – согласился Кармайн. Он отпил кофе, который оказался мерзким. Ничего другого Кармайн и не ожидал. Он заметил, что профессор выпил воды из запотевшего графина, хотя гостю налил кофе.

– Профессор, вы спускались в виварий? Видели, что там нашли?

Ученый побледнел и решительно покачал головой:

– Нет-нет, разумеется, нет! Сесил позвонил мне, сообщил о находке, и я сразу созвонился с комиссаром Сильвестри. А Сесила попросил никого не впускать в виварий до приезда полиции.

– А вы уже нашли Отиса... как его фамилия?

– Грин, Отис Грин. По-видимому, у него был сердечный приступ. Сейчас он в больнице. Но его кардиолог говорит, что все обошлось, так что через два-три дня Отиса выпишут.

Кармайн отставил кофейную чашку и откинулся на спинку кресла, сложив руки на коленях.

– Профессор, расскажите мне о холодильнике для трупов.

Смит, похоже, слегка растерялся, и было видно, что он пытается взять себя в руки. Кармайн предположил, что тип смелости, которым наделен профессор, годится для убийств. Ему бы командовать комитетами, распределяющими гранты, и застенчивыми учеными. Скольких таких смельчаков он видел в Чаббе!

– Такой холодильник есть в каждом исследовательском учреждении. Если оно невелико, то сотрудники пользуются холодильником, общим для нескольких лабораторий. Мы ученые, и поскольку этика запрещает нам проводить эксперименты на людях, мы выбираем животных. Выбор обусловлен характером исследований: кожа – морские свинки, легкие – кролики, и так далее. Поскольку мы изучаем эпилепсию и умственную отсталость, а следовательно, мозг, то наши подопытные животные – крысы, кошки и приматы. Здесь, в Хаге, макаки. По завершении эксперимента животных умерщвляют – спешу добавить, максимально гуманным образом. Трупы складывают в специальные пакеты и отправляют в холодильник, где они находятся до семи часов утра. Примерно в семь Отис перекладывает содержимое холодильника в бак и везет его по подземному переходу – туннелю, ведущему к корпусу Паркинсона, где находится главный виварий медицинской школы. Крематорий, где сжигают все трупы животных, принадлежит виварию Паркинсона, но его услугами пользуется и больница – отправляет туда ампутированные конечности и тому подобное.

«Его манера говорить настолько официальна, – подумал Кармайн, – как будто он диктует важное письмо».

– Сесил сообщил вам, как были обнаружены человеческие останки? – спросил он.

– Да. – Лицо профессора заострилось.

– Кто имеет доступ к холодильнику?

– Из сотрудников Хага – все, а посторонние вряд ли могут воспользоваться им. Посетителей у нас не много, вход обычно закрыт.

– Почему?

– Дорогой мой лейтенант, мы же на самом краю Оук-стрит и медицинского городка! За нами – Одиннадцатая улица и Яма. Уверяю вас, это более чем сомнительное соседство.

– Я заметил, что вы тоже употребляете название «Хаг», профессор. Почему?

Губы профессора трагически изогнулись.

– Это Фрэнк Уотсон виноват, – процедил он.

– Кто он такой?

– Профессор неврологии из медицинской школы. Когда в 1950 году Хаг открылся, он хотел возглавить его, но наш благодетель, покойный Уильям Парсон, был непреклонен: руководящий пост должен занимать специалист по эпилепсии и умственной отсталости. И поскольку сфера деятельности Уотсона – демиелинизирующие заболевания, он не соответствовал требованиям. Я говорил мистеру Парсону, что надо бы выбрать название попроще, чем Хьюлингс Джексон, но он уже принял решение. О, этому человеку решительности было не занимать! Конечно, сокращение неизбежно должно было появиться, но я думал, что это будет

«Хьюлингс» или «Хью». Тут-то Фрэнк Уотсон и отомстил нам. Он объявил название «Хаг» оригинальным и остроумным, и оно прилипло. Намертво!

– Кстати, расскажите мне о Хьюлингсе Джексоне, сэр.

– Основоположник британской неврологии, лейтенант. У его жены обнаружилась медленно растущая опухоль передней части извилины Роландо.

«Ни слова не понимаю, – подумал Кармайн, слушая размеренную речь ученого, – но разве его это волнует? Ничуть».

– У миссис Джексон наблюдались весьма необычные эпилептические судороги, – продолжал профессор. – Они затрагивали только одну половину тела, начинались на одной стороне лица, распространялись вниз по руке и кисти и, наконец, захватывали ногу. Они и по сей день носят название джексоновских. Джексон предположил, что каждой части тела отведено свое неизменное место в коре головного мозга. Но окружающих восхищала в первую очередь неумолимость, с которой он час за часом просиживал у постели умирающей жены и описывал ее судороги вплоть до малейших подробностей. Истинный исследователь.

– По-моему, это черствость, – заметил Кармайн.

– Я предпочитаю называть это преданностью делу, – ледяным тоном заявил Смит.

Кармайн поднялся.

– Без моего разрешения из здания никому не выходить. Это и к вам относится, сэр. У входов стоят полицейские, в том числе и в туннеле. Советую вам никому не рассказывать о том, что здесь произошло.

– Но в здании нет кафетерия! – решительным тоном напомнил профессор. – Где прикажете обедать сотрудникам, которые не прихватили еду с собой?

– Кто-нибудь из полицейских соберет заказы и съездит за едой. – На пути к двери Кармайн обернулся. – Боюсь, нам понадобятся отпечатки пальцев всех, кто здесь находится. Неудобство похуже пропущенного обеда, но, думаю, вы меня поймете.

Кабинет судмедэксперта округа Холломен, а также лаборатория и морг располагались в здании окружного управления.

Войдя в морг, Кармайн увидел на столе два фрагмента женского тела, сложенных вместе на столе для аутопсии.

– Довольно упитанная особа, цветная, возраст – предположительно шестнадцать лет, – сказал Патрик. – Неизвестный выщипал растительность на ее лобке, прежде чем ввести первый из нескольких инструментов – может, фаллоимитатор, а может, и пенис, трудно сказать. Ее многократно подвергли насилию предметами постепенно увеличивающегося размера, но вряд ли смерть наступила по этой причине. В останках так мало крови, что, подозреваю, ее спустили, как спускают кровь скота на бойнях. Ни рук с кистями, ни ног со ступнями, ни головы. Эти два фрагмента были тщательно вымыты. До сих пор я не нашел никаких следов спермы, хотя на половых органах немало следов ушибов и припухлостей, которые надо исследовать под микроскопом. Кстати, ее изнасиловали и анально. Могу поручиться, что сперму не обнаружат нигде. Скорее всего он работал в перчатках и пользовался презервативами. Если вообще кончал.

Кожа девушки, несмотря на обескровленную бледность, имела чудесный оттенок кофе с молоком. Плавные изгибы бедер, тонкая талия, красивая грудь. На других частях тела не было следов насилия – ни ушибов, ни порезов, ни ожогов или укусов. Но поскольку отсутствовали руки и ноги, никто не смог бы определить, была ли она связана и если была, то как.

– Я принял бы ее за ребенка, – сказал Кармайн. – Она совсем маленькая.

– Ростом чуть выше полутора метров. Второе важное обстоятельство: расчленение проводил настоящий профессионал, – продолжал Патрик. – Один взмах какого-то инструмента вроде скальпеля для вскрытий. Ты только посмотри на тазобедренные и плечевые суставы – разняты без применения силы и не повреждены. – Он отложил в стороны два фрагмента торса. – Попе-

речный разрез выполнен ниже диафрагмы. Кардия желудка лигирована во избежание утечки содержимого, на пищевод тоже наложены лигатуры. Позвоночник дезартикулирован так же профессионально, как суставы. Никакого кровотечения из аорты или полых вен. Между тем, – продолжал он, указывая на шею трупа, – горло ей перерезали за несколько часов до того, как отделили голову. Рассечены яремные вены, но не сонные артерии. Кровь должна была вытекать медленно, постепенно, а не резкой струей. Само собой, ее подвесили вверх ногами. Отделяя голову, он наметил разрез между четвертым и пятым шейными позвонками. В итоге у него осталась небольшая часть шеи и целая голова.

– Лучше бы он оставил нам конечности, Патси.

– И я так думаю, но подозреваю, что они побывали в холодильнике вчера, вместе с головой.

Кармайн отозвался с такой убежденностью, что Патрик вздрогнул.

– Нет, вряд ли! Голова все еще у него. С ней он не расстанется.

– Кармайн, так не бывает. А если и случается, то к западу от Скалистых гор, где водятся маньяки. Мы же в Коннектикуте!

– Откуда бы он ни был, голова при нем.

– Я бы сказал, что он работает в Хаге, а если не в Хаге, тогда в медицинской школе, – предположил Патрик.

– Мясник? Работник бойни?

– Возможно.

– Ты сказал про второе важное обстоятельство, Патси. А первое?

– Вот. – Патрик указал на правую ягодицу, где на безупречной коже отчетливо выделялся засохший струп длиной около двух с половиной сантиметров, формой напоминающий сердце. – Поначалу я думал, что он специально вырезал его. Но контур он не намечал – просто сделал один аккуратный взмах ножом вроде того, каким однажды на моих глазах срезали женщине сосок. Вот я и подумал, что здесь у нее было выпуклое родимое пятно, выступающее над поверхностью кожи.

– То, что оскорбляло его взгляд, портило ее совершенство, – задумчиво произнес Кармайн. – Может, он вообще не знал про эту отметину, пока не занялся своим грязным делом. Все зависит от того, знал он ее раньше или подцепил незадолго до смерти. Что скажешь насчет ее расовой принадлежности?

– Ничего, но европеоидной крови в ней больше, чем какой-либо другой. И возможно, примесь негроидной или монголоидной, а может, и той и другой.

– Как по-твоему, она была проституткой или нет?

– Без следов от инъекций на руках сказать трудно, Кармайн. Но у этой девушки... здоровый вид – не знаю, как выразиться иначе. Я бы на твоём месте просмотрел списки пропавших без вести.

– Я как раз собирался, – ответил Кармайн и направился обратно в Хаг.

«С кого начать, если допрос Отиса Грина придется отложить в лучшем случае до завтра? С Сесила Поттера, конечно», – думал Кармайн.

– Это правда отличная работа, – убежденно говорил Сесил, сидя на стальном стуле с Джимми на коленях и не обращая внимания, что обезьяна деловито копается у него в волосах. Сесил объяснил, что Джимми до сих пор не опомнился после пережитого. Кармайн бы легко мирился с этим диким зрелищем, если бы не половинка теннисного мяча на макушке Джимми. Как объяснил Сесил, она прикрывает вживленный в мозг электронный датчик и ярко-зеленый гнездовой разъем на черепе, посаженный на розовый зубной цемент. Впрочем, половинка мяча Джимми не беспокоила: он вообще не обращал на нее внимания.

– И чем же она так хороша? – спросил Кармайн, прислушиваясь к урчанию в собственном животе. Всех сотрудников Хага уже накормили, а Кармайн пропустил и завтрак, и вот теперь – обед.

– Я сам себе начальник, – объяснил Сесил. – В КП я просто разгребал дерьмо, как все. А в Хаге весь виварий мой. Мне нравится, особенно потому, что здесь есть обезьяны. Доктор Чандра знает, что на Восточном побережье никто лучше меня не умеет обходиться с обезьянами, и доверяет их мне. Меня даже вызывают, когда надо сажать их в кресло для опытов. Они от этого с ума сходят.

– Не любят доктора Чандру? – уточнил Кармайн.

– Любят, конечно, как не любить. А меня обожают.

– Вам случалось опорожнять холодильник, Сесил?

– Иногда. Когда Отис в отпуске, мы берем кого-нибудь из рабочих КП. Вообще Отис редко бывает со мной на этом этаже – у него полно дел на верхних – поменять лампочки, собрать опасные отходы. В виварии я в основном справляюсь сам: помощник мне нужен, чтобы доставлять клетки наверх и спускать вниз. Клетки чистые всю неделю, с понедельника по пятницу.

– Должно быть, выходные животные ненавидят, – в тон ему сказал Кармайн. – Если Отис почти не помогает вам, как же вы успеваете чистить клетки?

– Видите вон ту дверь, лейтенант? Там мойка для клеток. Автоматизированная, как автомойка, только еще лучше. В Хаге есть все, что хочешь.

– Вернемся к холодильнику. Когда вы сами опорожняете его, Сесил, какого размера обычно бывают пакеты? Вас не удивляет, когда они слишком... велики?

Сесил задумался, склонив голову набок, и обезьяна заглянула ему за ухо.

– Да нет, лейтенант, чему тут удивляться, но вы лучше спросите Отиса, он специалист.

– Вы не видели, вчера в холодильник не клал пакеты кто-нибудь из тех, кто обычно этим не занимается?

– Никого не видел. Ученые часто приносят сюда пакеты сами, когда мы с Отисом уже уходим домой. И лаборанты тоже приносят, только когда пакеты маленькие. С крысами. С большими пакетами приходит только миссис Либман из оперблока, но вчера ее не было.

– Спасибо, Сесил, вы нам очень помогли. – Кармайн протянул руку обезьяне: – Пока, Джимми.

Джимми протянул лапу и серьезно пожал пальцы Кармайна. Его большие круглые янтарные глаза казались такими осмысленными, что у Кармайна по спине побежали мурашки. Совсем как человек.

– Хорошо, что вы мужчина, – засмеялся Сесил, пристроив Джимми на бедро и провожая Кармайна до двери.

– Почему?!

– Все шесть моих малышек самцы – ух как они ненавидят женщин! Прямо на дух не переносят.

Дон Хантер и Билли Хо трудились над каким-то аппаратом Руба Голдберга³, собирая его из электронных деталей, плексигласа и резиновой трубочки – насоса, присоединенного к маленькому стеклянному шприцу. Кофе в двух стоящих рядом кружках подернулся пленкой и был холодным даже на вид.

Оба конструктора прошли военную службу – это стало ясно Кармайну, едва он произнес слово «лейтенант». Дон и Билли мгновенно отложили работу и замерли в позе напряженного внимания. Предки Билли были китайцами, профессию инженера-электронщика он освоил в

³ Руб Голдберг (1883–1970) – американский карикатурист, автор серии рисунков, изображающих «аппараты Голдберга» – сложные, замысловатые машины, предназначенные, как ни парадоксально, для выполнения предельно простых задач.

ВВС США. Англичанин Дон, как он сам говорил, «родом с севера», служил в Королевских бронетанковых войсках.

– Что это за штукавина? – спросил Кармайн.

– Насос, который мы включили в цепь так, чтобы он каждые тридцать минут подавал только одну десятую миллилитра, – отрапортовал Билли.

Кармайн забрал кружки.

– Я принесу вам свежего кофе из автомата, который я видел в коридоре, если вы и мне дадите кружку и побольше сахара.

– О, спасибо, лейтенант. Забирайте хоть всю банку.

Кармайн знал: если он не получит дозу сладкого, причем немедленно, внимание начнет рассеиваться. Приторно-сладкий кофе он ненавидел, однако от этого пойла переставал урчать желудок. И потом, за кофе можно было завязать дружескую беседу. Собеседники оказались словоохотливыми и без лишних просьб объяснили, чем они заняты, а также заверили Кармайна, что Хаг – заведение что надо. Билли возился с электроникой, Дон был механиком. Их жизнь была посвящена в основном изобретению и изготовлению приборов, пользоваться которыми нормальным людям и в голову не придет. Так что они для ненормальных ученых.

– Смелости у ученого, конечно, хватает, – объяснял Билли. – И вдобавок мозги размером с Медисон-сквер-гарден и куча «нобелевок», но, бог ты мой, какими же они бывают тупыми! Знаете, в чем их главная беда?

– Ни за что не догадаюсь, – признался Кармайн.

– Здравому смыслу у них нет.

– Наэтатцет Били паав, – подтвердил Дон. По крайней мере так послышалось Кармайну.

Кармайн расстался с двумя собеседниками в твердом убеждении: ни Билли Хо, ни Дон Хантер к преступлению не имеют никакого отношения. Но тот, кто сделал это, недостатком здравого смысла не страдал.

* * *

Нейрофизиологи работали на следующем, третьем этаже. Отдел возглавлял доктор Аддисон Форбс, его коллегами были доктор Нур Чандра и доктор Морис Финч. В распоряжении каждого находилась просторная лаборатория и вместительный кабинет; к комнатам Чандры примыкали операционная и небольшое помещение перед ней.

В лабораторных клетках сидели два десятка крупных котов и несколько сотен крыс. С них Кармайн и начал осмотр. Он заметил, что все до единой клетки безукоризненно чисты, что коты едят и консервированный, и сухой корм, а свои дела они справляют в глубокие лотки, наполненные ароматной кедровой стружкой. Животные выглядели дружелюбными и довольными и совершенно не замечали половинок теннисных мячей на своих макушках. Крысы обитали в глубоких пластмассовых баках, наполненных мелкой стружкой, в которую они ныряли, как дельфины в волны – вверх-вниз, туда-сюда! Похоже, за стальной сеткой, которой были накрыты сверху баки, им было гораздо лучше, чем заключенным, – людям за прутьями решеток.

– Котами занимаются доктор Финч и доктор Чандра. Крысами – только доктор Финч, – пояснил доктор Форбс. – Я не провожу опыты с животными – я клиницист. У нас превосходное оборудование, – продолжал он тоном профессионального экскурсовода, сопровождая Кармайна по коридору между вивариумом и лифтом. – На каждом этаже есть и мужской, и женский туалет, а также кофеварка, которую обслуживает наша мойщица лабораторной посуды Эллодис. Место для баллонов с газами – вот этот стенной шкаф, но кислород подается по трубке, как и водяной газ, и сжатый воздух. Четвертая трубка – вакуум-отсос. Особое внимание уделено заземлению и медным защитным экранам: мы работаем с миллионными долями вольта.

Здание оборудовано системами кондиционирования воздуха, очистка ведется постоянно, так как никаких запретов на курение здесь нет.

Форбс прекратил жужжать, его лицо на миг стало удивленным.

– Термостаты уже работают. – Он распахнул дверь. – Наш читальный и конференц-зал. Больше на этом этаже помещений нет. Пройдем ко мне?

С первых же минут Кармайн распознал в Аддисоне Форбсе законченного неврастеника. Форбс щеголял жилистой, подтянутой худобой, которая выдавала в нем энтузиаста активного образа жизни, склонного к вегетарианству. В свои сорок пять он выглядел ровесником профессора, но кинорежиссер, ведущий поиск новой звезды, вряд ли задержал бы на нем взгляд. Лицевой тик и резкая, бессмысленная жестикуляция сопровождали его речь.

– Три года назад я перенес сильнейший коронарный приступ, – сообщил Форбс. – Чудом выжил.

Этим обстоятельством он был явно одержим – частое явление среди докторов медицины, которые, как объяснил однажды Кармайну Патрик, убеждены, что уж они-то никогда не умрут, но, почувствовав дыхание смерти, становятся невыносимыми пациентами.

– Теперь я каждый вечер пробегаю трусцой восемь километров – от Хага до моего дома. Жена привозит меня сюда по утрам и забирает костюм. Две машины нам уже не нужны – приятная экономия. Я питаюсь овощами, фруктами, орехами, иногда ем приготовленную на пару рыбу, когда жене попадается свежая, только что выловленная. Признаюсь честно, я чувствую себя превосходно. – И он похлопал себя по плоскому до впалости животу. – Еще лет пятьдесят прослужит, ха-ха!

«Нет уж, спасибо, – подумал Кармайн, – лучше смерть, чем расставание с жирными и вредными деликатесами из “Мальволио”. Но у каждого свой вкус».

– Как часто вы или ваш лаборант уносите трупы животных вниз, в холодильник на первом этаже? – спросил Кармайн.

Форбс растерянно заморгал.

– Лейтенант, я ведь только что объяснил: я клиницист! Я провожу клинические исследования, а не опыты на животных. – Его брови настойчиво рвались в противоположные стороны. – Скажу без ложной скромности: у меня талант назначать пациентам индивидуальные дозы противосудорожных препаратов. В этой сфере распространены злоупотребления – можете себе представить, что получается, когда какой-нибудь наглый терапевтишко берется сам прописывать антиконвульсанты. Обнаружит у незадачливого пациента идиопатию, и давай пичкать беднягу дилантином и фенobarбиталом, а у него пики лобной доли торчат колями, хоть насаживайся! Я заведу клинику эпилепсии при больнице Холломена и консультирую еще в нескольких больницах, а также руковожу энцефалографической лабораторией больницы Холломена. Но как вы понимаете, на заурядные ЭЭГ я не размениваюсь. Это занятие для Фрэнка Уотсона и его прихлебателей – неврологов и нейрохирургов. Предмет моего интереса – пики, а не дельта-волны.

Кармайн, взгляд которого начал блуждать еще на середине этого монолога, промычал что-то неопределенное. Потом уточнил:

– Значит, вам никогда, ни при каких обстоятельствах не приходится избавляться от трупов животных?

– Никогда!

Симпатичная лаборантка Форбса, Бетти, подтвердила слова шефа.

– Его исследования имеют непосредственное отношение к уровню противосудорожных препаратов в кровотоке, – объяснила она доступными для понимания словами. – Большинство врачей завышают дозу, поскольку не следят за содержанием препаратов в крови при таких хронических болезнях, как эпилепсия. Кроме того, к доктору обращаются фармацевтические компании с просьбами провести испытания новых препаратов. Он поразительно точно угады-

вает дозу и состав для конкретного пациента. – Бетти улыбнулась. – Честное слово, он кудесник. Это искусство, а не наука.

Отправляясь на поиски доктора Мориса Финча, Кармайн гадал, не обрушится ли на него снова водопад медицинской абракадабры.

Но оказалось, доктор Финч не из тех, кто забрасывает собеседника научными терминами. Он коротко объяснил, что исследует проникновение ионов кальция и натрия через оболочки нервных клеток во время эпилептических припадков.

– Я работаю с кошками, – сообщил он, – причем подолгу. Животные нисколько не травмированы, они даже ждут экспериментов.

«Добрая душа», – вынес вердикт Кармайн. Конечно, исключать Финча на этом основании из списка подозреваемых он не стал: всем известно, что и среди беспощадных убийц попадаются сентиментальные добряки. Финчу исполнился пятьдесят один год, и он был старше большинства здешних ученых, что подчеркнул профессор. Видимо, наука считалась здесь делом молодых. Набожный иудей Финч вместе с женой Кэтрин жил на птицеферме – Кэтрин разводила кошерных кур. Финч объяснил, что только цыплята не дают ей скучать – обзавестись детьми супругам так и не довелось.

– Значит, вы живете не в Холломене? – уточнил Кармайн.

– У самой границы округа, лейтенант. У нас двадцать акров. Курами занят далеко не весь участок! Я страстный садовод, выращиваю овощи и цветы. Еще у меня есть яблоневый сад и несколько теплиц.

– Доктор Финч, вы относите вниз трупы подопытных животных, или это делает ваша лаборантка – кажется, Патрисия?

– Иногда я, иногда Патти, – ответил Финч, и в его широко расставленных серых глазах не отразилось ни вины, ни беспокойства. – Прошу заметить, что характер моей работы не подразумевает частых умерщвлений подопытных животных. Закончив опыты с котиком, я кастрирую его и стараюсь найти ему хозяев. Понимаете, никакого вреда ему я не причиняю. Но в мозг может попасть инфекция, и тогда животные умирают. Труп отправляется вниз, в холодильник. Обычно отношу животных я – они довольно увесистые.

– И часто у вас умирают кошки, доктор?

– Трудно сказать. Раз в месяц, но, как правило, раз в полгода.

– Вижу, они здесь у вас ухоженные.

– Затраты на каждого кота, – терпеливо растолковал доктор Финч, – составляют минимум двадцать тысяч долларов. На каждого приходится оформлять разные разрешения и другие бумаги, в том числе в Обществе борьбы против жестокого отношения к животным и в Гуманистическом обществе. Плюс стоимость содержания, которое должно быть первоклассным, иначе животное не выживет. Мне нужны здоровые коты. Следовательно, смерть не просто нежелательна – она недопустима.

Затем Кармайн познакомился с третьим исследователем, доктором Нуром Чандрой.

Вот при виде кого у Кармайна захватило дух. Черты лица Чандры явно отливали в патрицианской форме. Его ресницы были настолько длинными и густыми, что казались накладными, брови изгибались идеально ровными дугами, кожа имела благородный оттенок старой слоновой кости. Волнистые иссиня-черные волосы были подстрижены коротко, стрижка сочеталась с европейской одеждой, костюм был сшит из кашемира, викуни и шелка. В перегруженной памяти Кармайна всплыло: этого человека и его жену считают красивейшей парой во всем Чаббе. Сын какого-то магараджи, обладатель несметных богатств, женат на дочери другого индийского монарха. Супруги живут на участке площадью десять акров возле самой границы округа Холломен вместе с детьми и армией слуг. Дети получают образование дома. Видимо, местная элитарная школа без пансиона недостаточно элитна для них. Или же дети могут набраться там американских веяний. Семья пользуется дипломатической неприкосно-

венностью, но почему, Кармайн не знал. Значит, предстоял деликатный разговор, а это не его метод!

– Бедный Джимми. – Доктор Чандра произнес эти слова сочувственно, но без тени нежности, которая сквозила в голосе Сесила, когда он говорил о макаке.

– Будьте добры, доктор, расскажите о нем подробнее, – попросил Кармайн, поглядывая на другую обезьяну: беспечно закинув ногу на ногу, она восседала в замысловатом плексигласовом кресле внутри гигантского ящика с распахнутой дверцей. Половинку мяча с головы животного сняли, обнажив розовую массу цемента с посаженным на него ярко-зеленым гнездовым разъемом. Такой же зеленый штекер был воткнут в разъем, толстый витой кабель из множества разноцветных проводков тянулся к панели на стене ящика. Вероятно, эта панель соединяла обезьяну с электронной аппаратурой на полуметровых стеллажах.

– Вчера Сесил позвонил мне и сообщил, что зашел проводить обезьян после обеда и обнаружил, что Джимми умер. – По-английски ученый говорил с экзотическим акцентом. Ничего общего с акцентами мисс Дюпре или Дона Хантера, какими бы разными они ни были. – Я решил посмотреть на него сам, и клянусь вам, лейтенант, – снова «лефтенант», – Джимми был мертв. Ни пульса, ни дыхания, ни сердцебиения, никаких рефлексов, оба зрачка расширены и неподвижны. Сесил спросил, надо ли отправить труп к доктору Шиллеру на вскрытие, но я отказался. Электроды Джимми вживлены не так давно, особой ценности для опытов он не представляет. Я велел Сесилу не трогать его и пообещал, что снова загляну в пять и, если Джимми не придет в себя, сам положу его в холодильник. Что я и сделал.

– А что скажете об этом приятеле? – спросил Кармайн, указывая на обезьяну в ящике. На ее морде застыло такое же выражение, как у Эйба, когда тому нестерпимо хотелось курить.

– Юстас? О, его ценность неизмерима! Правда, Юстас?

Обезьяна перевела взгляд с Кармайна на доктора Чандру и вдруг мерзко осклабилась. Кармайн невольно передернулся.

Лаборант доктора Чандры, молодой парень по имени Хэнк, проводил Кармайна в оперблок.

Соня Либман встретила лейтенанта в предоперационной и представилась операционным лаборантом. Помещение было заставлено стеллажами с хирургическими инструментами, здесь же находились два автоклава и внушительный сейф.

– Для моих учетных препаратов, – объяснила миссис Либман, указывая на сейф. – Там опиаты, пентотал, цианистый калий и прочая гадость. – И она вручила Кармайну пару холщовых бахил.

– Кто знает код? – спросил Кармайн, натягивая их.

– Только я. И он не записан нигде, – твердо заявила она. – Если когда-нибудь меня вынесут отсюда ногами вперед, сейф не открыть без взломщика. То, что знают двое, знают все.

Оперблок выглядел как любая операционная.

– Полной стерильности здесь нет, – сообщила Соня, прислонившись спиной к операционному столу, застеленному чистыми матерчатыми пеленками. Сама Соня была облачена в чистую отутюженную робу и холщовые бахилы. «Привлекательная женщина. Лет сорока, – подумал Кармайн, – стройная и деловая». Темные волосы она собирала на затылке в тугий узел, глаза – черные и умные, и только обрезанные под корень ногти портили изящные руки.

– А я думал, операционная должна быть стерильной, – заметил он.

– Гораздо важнее безупречная чистота, лейтенант. Я знаю операционные, которые стерильнее дохлой лабораторной дрозофилы, но на самом деле в них никто не поддерживает чистоту.

– Значит, вы нейрохирург?

– Нет, я лаборант с дипломом. Нейрохирургия – мужская сфера, женщинам-нейрохирургам живется хуже, чем в аду. Но здесь, в Хаге, я могу заниматься любимым делом и избегать

психических травм. Размеры моих пациентов невелики, поэтому без мощной аппаратуры не обойтись. Видите? Это мой цейссовский операционный микроскоп. Таких в нейрохирургии Чабба нет, – удовлетворенно заключила она.

– Кого вы оперируете?

– Обезьян для доктора Чандры. Кошек для него и для доктора Финча. Крыс для нейрохимиков с верхнего этажа и кошек для них же.

– Часто они умирают на столе?

Соня Либман возмутилась:

– Думаете, я совсем безрукая? Ну уж нет! Я умерщвляю животных для нейрохимиков, которым для работы не нужен живой мозг. Но нейрофизиологи ставят опыты на живом мозге. Вот и вся разница.

– И кого же вы... м-м... умерщвляете, миссис Либман?

Только осторожно, Кармайн, еще осторожнее!

– Главным образом крыс, но также провожу децеребрацию по Шеррингтону на кошках.

– Что это? – спросил Кармайн, делая записи в блокноте, но уже сомневаясь, что хочет услышать ответ – очередной поток мудреных подробностей!

– Отделение головного мозга от мозжечка под эфирным наркозом. Инъекцию пентотала в сердце я делаю в тот же момент, когда извлекаю мозг, и – бац! Животное умирает. Мгновенно.

– И вы складываете зверюшек в мешки и уносите в холодильник?

– Да, в дни децеребрации.

– Часто такие случаются?

– По-разному. Когда доктору Понсонби или доктору Полоновски нужен передний мозг кошек – каждые две недели в течение пары месяцев, по три-четыре кошки в день. Доктор Сацума обращается гораздо реже – в год ему нужно кошек шесть, не больше.

– Насколько они крупные, эти кошки без мозга?

– Великаны. Самцы весят килограммов пять-семь.

Так, два этажа отработано, осталось еще два. С подсобными помещениями, лабораториями и отделением нейрофизиологии покончено. Теперь – наверх, познакомиться с персоналом четвертого этажа, потом спуститься вниз, к в нейрохимикам.

Три машинистки оказались обладательницами дипломов по естественным наукам, делопроизводительница могла похвастаться лишь школьным аттестатом – как одиноко, должно быть, она себя чувствовала! Вонни, Дора и Маргарет работали на громоздких пишущих машинках IBM со сферическими головками и могли напечатать «электроэнцефалография» быстрее, чем любой коп – аббревиатуру ДТП. Ловить здесь было некого, и Кармайн оставил их с миром. Делопроизводительница Дениза шмыгала носом и утирала глаза, роясь в открытых ящиках, машинистки строчили как из пулеметов.

Доктор Чарльз Понсонби ждал у лифта. Провожая Кармайна в свой кабинет, он объяснил, что ему пятьдесят четыре года, он ровесник профессора, которого и замещает во время отлучек. Они вместе учились в здешней частной школе, потом поступили на подготовительные курсы в Чабб и там же получили медицинские дипломы. Но после школы медицины их пути разошлись. Понсонби предпочел пройти ординатуру в Чаббе, Смит – при университете Джона Хопкинса. Однако разлука была недолгой: после возвращения Боб Смит возглавил Хаг и предложил Понсонби составить ему компанию. Это случилось в 1950 году, когда обоим было по тридцать лет.

«А ты-то почему застрял дома?» – гадал Кармайн, внимательным взглядом изучая главу отделения нейрохимии. Среднего роста и среднего телосложения, каштановые, с проседью, волосы, водянистые голубые глаза, очки-половинки, оседлавшие длинный костистый нос. Чарльз Понсонби казался типичным представителем рассеянного ученого. Его одежда была

неряшливой, даже затрапезной, волосы – всклокоченными, а носки, как заметил Кармайн, непарными: темно-синий на правой ноге, серый – на левой. Ясно, что Понсонби лишен предприимчивости и не понимает, зачем уезжать так далеко от Холломена. Но что-то в его слезящихся глазах говорило: он стал бы совсем другим, если бы куда-нибудь уехал после получения диплома. Эту гипотезу подкрепить было нечем, но интуиция подсказывала Кармайну, что удержало Понсонби дома нечто непреодолимое. Но не жена, потому что он сам довольно равнодушно назвал себя закоренелым холостяком.

Любопытным открытием стали контрасты между кабинетами ученых. Кабинет Форбса потрясал чистотой, в нем не нашлось места ни для плюшевых портьер, ни для картин – только книги и бумаги, повсюду, даже на полу. Финч увлекался комнатными растениями, у него цвела изумительная редкая орхидея, а на фоне стен прекрасно смотрелись перистые папоротники. Чандра предпочитал кожаную мебель в стиле Честерфилда, застекленные книжные шкафы и изысканные шедевры индийского искусства. А доктор Чарльз Понсонби уживался в опрятном кабинете с мерзкими артефактами – высушенные человеческие головы и посмертные маски Бетховена и Вагнера. Стены украсил четырьмя репродукциями знаменитых картин Бокса и Мунка.

– Любите сюрреализм? – оживился Понсонби.

– Я поклонник ориентального искусства, доктор.

– Знаете, лейтенант, я часто думаю, что ошибся в выборе профессии. Меня пленяет психиатрия, особенно психопатология. Взгляните на эту сморщенную голову – кому она принадлежала? Какими видениями порождены эти картины?

Кармайн усмехнулся:

– Меня спрашивать бесполезно. Я всего лишь коп.

«А ты мне не друг», – мысленно закончил он. Это ясно как день.

После кабинета Понсонби показал ему лаборатории, аппаратура в которых была Кармайну знакома: атомно-абсорбционный спектроскоп, масс-спектрометр, газовый хроматограф, большие и малые центрифуги – все то же, чем пользовался в работе Патрик, только поновее и побольше. Здесь тратили деньги не считая.

Кармайн узнал, что мозг кошек превращают в субстанцию, которую Понсонби назвал «мозговым бульоном» – так естественно, что никто бы не уловил и тени шутки. Делают в лаборатории и бульон из крысиных мозгов. А доктор Полоновски ставит опыты с гигантским аксоном ноги омара – не большой клешни, а короткой ножки. Ох и здоровенные эти аксоны! Лаборантке Полоновски, Мэриен, часто приходится по дороге на работу заезжать в рыбный магазин и покупать самых крупных омаров из бассейна.

– И куда же потом деваются омары?

– Их делят между собой те, кто любит омаров, – объяснил Понсонби с таким видом, будто вопрос был неуместным и ответ напрашивался сам собой. – Остальные органы доктору Полоновски не нужны. В сущности, с его стороны – это любезность, он мог бы съедать этих омаров сам. А он отдает их всем по очереди. Кроме доктора Форбса – он вегетарианец – и доктора Финча, который слишком ортодоксален, чтобы есть ракообразных.

– Скажите, доктор Понсонби, местные служащие обращают внимание на пакеты с трупами животных? Если бы вы увидели большой, туго набитый пакет для трупов, что бы вы подумали?

На лице Понсонби отразилось легкое удивление.

– Да я бы вообще не стал о нем думать, лейтенант, потому что вряд ли заметил бы.

Удивительно, но Понсонби не стал распространяться о деталях своей работы – просто сказал, что изучает химические процессы в клетках мозга, связанные с эпилепсией.

– Стало быть, все, с кем я уже беседовал, заняты эпилепсией. А умственной отсталостью? Я думал, в Хаге исследуют и то и другое.

– Увы, несколько лет назад мы лишились генетика, и профессор Смит пока не подобрал ему достойную замену. Всех манит ДНК. Она перспективнее. – Он хихикнул. – Бульон генетиков замешан на бактериях.

Понять, что болезненная обидчивость доктора Уолтера Полоновски не имеет никакого отношения к его польским корням, было просто.

– Это несправедливо, – с места в карьер заявил Полоновски Кармайну.

– Что несправедливо, доктор?

– Разделение труда. Тем, у кого есть диплом доктора медицины, как, например, у меня, Понсонби, Финча и Форбса, приходится вести пациентов в больнице Холломена и тратить драгоценное время на них, а не на исследования. В то время как доктора, но не медики Чандра и Сацума все свое время посвящают научной работе. Стоит ли удивляться тому, что они опережают остальных? Когда я согласился перейти сюда, мне обещали идиопатов с отсталостью. И что же? Мне передали пациентов с синдромом мальабсорбции! – возмущенно заключил Полоновски.

Боже мой, все тот же бред.

– А разве они не умственно отсталые, доктор?

– Ну конечно, только их отсталость имеет вторичную природу по отношению к мальабсорбции! Она не идиопатическая!

– Сэр, а что означает «идиопатический»?

– Заболевание неясной этиологии. То есть причины его неизвестны.

– А-а.

Уолт Полоновски был весьма представительным мужчиной – рослым, хорошо сложенным, с темно-золотистыми волосами и загорелой кожей. По мнению Кармайна, не больничная нагрузка как таковая беспокоила его – его терзали глубинные эмоции вроде любви и ненависти. Этот человек всю жизнь был несчастен, и страдание запечатлелось у него на лице.

Но, как и все остальные, он никогда не обращал внимания на такие приземленные мелочи, как пакеты с трупами животных, а тем более на величину этих пакетов. «Да что я прицепился к этим пакетам? – думал Кармайн. – Потому что какой-то умник воспользовался холодильником, зная, что на пакеты с подопытными животными сотрудники Хага никогда не обращают внимания? А еще вот почему – печенкой чую, что-то здесь нечисто. Что-то не складывается. Да, я точно знаю!»

Миловидная лаборантка Полоновски, Мэриен, сказала Кармайну, что она сама относит вниз пакеты шефа. Она держалась настороженно и как бы оправдывалась, но, как понял Кармайн, пакеты были тут ни при чем. У Мэриен было грустное лицо, а личные дела расстраивают девушек чаще, чем работа. Здешней молодежи, обладающей дипломами и пишущей диссертации, не составляло никакого труда найти работу. Кармайн был готов биться об заклад, что Мэриен частенько приходит в Хаг в темных очках, скрывая, что она проплакала полночи.

Общаться с доктором Хидеки Сацумой после всех остальных было сущим удовольствием. Его английский был безупречен и американизирован; он объяснил, что его отец служил в посольстве Японии в Вашингтоне с тех пор, как после войны были восстановлены дипломатические отношения. Сацума закончил учебу в Америке и получил ученую степень в Джорджтауне.

– Я изучаю нейрохимические процессы ринэнцефалона, – начал он, но увидел на лице Кармайна недоумение и засмеялся. – Иногда его называют «нюхом мозга» – это самое примитивное серое вещество, какое есть у человека. Оно имеет непосредственное отношение к эпилептическим процессам.

Сацума тоже оказался красавцем, словно в Хаг мужчин отбирали по внешним данным. Совершенствуя и без того классические черты лица, он отважился на пластическую операцию, чтобы убрать складки верхнего века, поэтому его блестящие черные глаза уже не казались

узкими. Для японца он был довольно высок, двигался с грацией Рудольфа Нуриева, с которым его роднило нечто татарское в облике. Кармайн угадал в нем человека, у которого не бывает мелких оплошностей, – он никогда не спотыкается и ничего не роняет. А еще он умел располагать к себе людей, и это тревожило Кармайна, который в войну служил на Тихом океане и недолюбливал япошек.

– Поймите, лейтенант, – с жаром объяснял Сацума, – все, кто работает в таком месте, как Хаг, не замечают ничего, что не относится напрямую к работе, а в работе у каждого из нас рентгеновское зрение. Коричневый пакет с мертвыми животными заметил бы, если бы он лежал. В противном случае на него не обратил бы внимание никто. И поскольку лаборанты в Хаге работают добросовестно, пакеты с трупами у нас нигде не валяются. Я никогда не отношу их вниз. Это делает мой лаборант.

– Насколько я понимаю, он тоже японец?

– Да. Эйдо помогает мне во всем. Они с женой живут на десятом этаже здания страховой компании «Мускат», а я – в пентхаусе. И это вам прекрасно известно, ведь вы тоже живете в «Мускате».

– Вообще-то я не знал. В пентхаус ведет частный лифт. Но с Эйдо и его женой я встречался. Вы женаты, доктор?

– Что вы! В море слишком много прекрасной рыбы, чтобы я остановил выбор на какой-то одной. Я холостяк.

– Вы встречаетесь с кем-нибудь из здешних сотрудниц?

Черные глаза блеснули – насмешливо, но не гневно.

– Боже мой, ну конечно, нет! Отец давным-давно объяснил мне, что только безмозглые холостяки смешивают работу с удовольствиями.

– Полезный принцип.

– Хотите, я познакомлю вас с доктором Шиллером? – спросил Сацума, почувствовав, что допрос окончен.

– Спасибо, было бы замечательно.

Так-так, еще один претендент на звание короля красоты Хага! Викинг. Курт Шиллер служил в Хаге патологоанатомом. По-английски он изъяснялся с легким немецким акцентом, что, несомненно, и являлось причиной неприязни, проскользнувшей у доктора Мориса Финча при упоминании имени Шиллера. Шиллер оказался рослым, скорее худым, чем стройным, с льняными волосами и тускло-голубыми глазами. Что-то в нем раздражало Кармайна, но явно не национальность: чуткий нос копа унюхал гомосексуальность. «Если Шиллер натурал, значит, нос меня подводит, а мой нос в порядке», – думал Кармайн.

Патологическая лаборатория помещалась там же, где и операционная, только этажом выше, и была побольше – за счет места, которое на нижнем этаже занимали клетки с кошками. Шиллеру помогали два лаборанта – Хэл Джонс, штатный специалист Хага по гистологии, и Том Скинкс, работающий исключительно на Шиллера.

– Иногда мне присылают образцы мозга из больницы, – сообщил патологоанатом, – поскольку я специализируюсь на кортикальной атрофии и мозговой рубцовой ткани. А моя работа связана с рубцеванием гиппокампа и крючка головного мозга...

Кармайн уже научился отключаться, как только начинались многосложные объяснения. Электронщик Билли Хо разглагольствовал о «магнитной мю меньше единицы» так, будто Кармайн был обязан понять его с полуслова. «Все мы говорим на профессиональном жаргоне, даже копы», – со вздохом подумал Кармайн.

Между тем время близилось к шести, и Кармайн зверски проголодался. Но прежде следовало поговорить с остальными и отпустить их по домам, а уж потом спокойно заправиться. На четвертом этаже осталось всего четверо.

Он начал с Хилды Силвермен, заведующей исследовательской библиотекой. Хилда царила в огромной комнате среди стальных стеллажей и выдвижных ящиков с книгами, карточками, бумагами, статьями, распечатками, репринтными копиями, вырезками и увесистыми подшивками.

– Теперь я перевела все архивы в компьютер, – объяснила она, указывая рукой без признаков маникюра в сторону штуковины размером с ресторанный холодильник, с двумя тридцатисантиметровыми бобинами с пленкой, консолью и клавиатурой, как у пишущей машинки. – Настолько стало проще! Никаких тебе перфокарт! Знаете, здесь работать гораздо легче, чем в библиотеке медицинской школы. Там трудятся по старинке. А мы можем узнать о любой опубликованной научной работе. Достаточно ввести ключевые слова вроде «ионы калия» или «припадки», и нам присылают краткое содержание всех существующих статей по этой тематике – с такой же скоростью, с какой телетайп способен печатать их. Есть еще одна причина, по которой я ушла из главной библиотеки и получила в полное распоряжение эту. Лейтенант, Хаг просто купается в деньгах! Только вот с Китом я почти не вижу, и это нелегко, – со вздохом заключила она.

– С Китом?

– С моим мужем, Китом Кайнтоном. Он нейрохирург, недавно окончил аспирантуру и работает на другом конце Оук-стрит. Раньше мы хотя бы обедали вместе, а теперь не выходит.

– Значит, Силвермен – ваша девичья фамилия?

– Да. Пришлось оставить ее – проще жить, когда во всех твоих документах одна и та же фамилия.

На вид ей было ей лет тридцать пять, но она могла оказаться и моложе; осунувшееся лицо выглядело измученным. Пиджак был мешковатым, юбка – выдавшей виды, туфли – обшарпанными. Единственное украшение – обручальное кольцо. Уродливые заколки-невидимки придерживали неудачно подстриженные темно-рыжие волосы; толстые, как донышки бутылок из-под колы, стекла очков уменьшали красивые карие глаза. Лицо нейтрально-миловидное, без косметики.

«Интересно, – задумался Кармайн, – что в библиотекарях выдает их профессию? Книжная пыль? Чернила для принтера?»

– Я охотно помогла бы вам, – сказала Хилда Силвермен немного погодя, – но я решительно не помню, видела эти пакеты или нет. И на первом этаже почти не бываю – нигде, кроме вестибюля с лифтами.

– У вас есть друзья среди коллег? – спросил Кармайн.

– Соня Либман из оперблока. Больше никого.

– А как же мисс Дюпре и мисс Вилич с вашего этажа?

– Эта парочка? – презрительно переспросил она. – Они слишком заняты собственными распрями, чтобы замечать, что я существую.

Так-так, наконец-то ценная крупница информации!

К кому теперь? К Дюпре. Кармайн решительно постучал в дверь ее кабинета. Она занимала юго-восточную угловую комнату с окнами в двух стенах: одно было обращено к городу, другое смотрело на юг, в туманную гавань. Почему же этот кабинет не взял профессор? Не доверял себе, опасался, что роскошный вид будет отвлекать его? Кармайн решил, что если Бог не наградил мисс Дюпре внешностью, то силы воли, должно быть, ей хватает, чтобы не тратить время, глядя в окна.

Мисс Дюпре поднялась из-за стола, явно наслаждаясь возможностью еще раз взглянуть на Кармайна сверху вниз. «Опасное хобби, дорогая, – подумал Кармайн. – Окоротить можно любого, в том числе и вас. Зато вы очень умны, безупречно организованы и чрезвычайно наблюдательны – это видно по вашим прекрасным глазам».

– Что привело вас в Хаг? – спросил лейтенант, присаживаясь.

– «Грин-карта». Раньше я работала заместителем администратора одного из областных медицинских учреждений в Англии. Я отвечала за работу всех исследовательских лабораторий в больницах и «краснокирпичных университетах» области.

– «Краснокирпичных»?..

– Так называют провинциальные университеты, где учатся студенты из рабочих семей вроде меня. Оксфорд или Кембридж нам не по зубам, но они к «краснокирпичным» и не относятся, хотя их новые корпуса строят из красного кирпича.

– Что в этом здании не входит в сферу вашей компетенции? – спросил Кармайн.

– Почти ничего.

– А коричневые бумажные пакеты для трупов подопытных животных?

– Вашу необъяснимую заикленность на пакетах для трупов животных заметила не только я, но никто из нас не понимает, при чем тут они, хотя у меня есть некоторые догадки. Почему бы вам не рассказать мне всю правду, лейтенант?

– Мисс Дюпре, пожалуйста, просто отвечайте на мои вопросы.

– Задавайте их.

– Вам случалось заниматься пакетами для трупов животных?

– Разумеется. Как администратор, я замечаю все. Предпоследняя партия пакетов оказалась некачественной, поэтому мне и пришлось заняться этим вопросом, – объяснила мисс Дюпре. – Но при обычных обстоятельствах я их вообще не вижу, особенно если эти пакеты заполнены.

– В каком часу Сесил Поттер и Отис Грин заканчивают работу?

– В три часа дня.

– Об этом кто-нибудь знает?

– Естественно. Время от времени ученые жалуются на это – им иногда кажется, что все должны плясать вокруг них круглые сутки. – Ее блеклые брови взлетели вверх. – Обычно я отвечаю на это, что мистер Поттер и мистер Грин работают в те часы, когда животные особенно нуждаются в уходе. Циркадные ритмы животных устроены так, что внимание им требуется первые три-четыре часа после восхода солнца. В вечернее время они спокойны, при условии, что обеспечены пищей и в клетках у них чисто.

– Отис работает где-нибудь еще, кроме вивария?

– Днем мистер Грин занят на верхних этажах – его прочие обязанности не требуют столь пристального внимания. Он переносит тяжести, чинит осветительные приборы, выбрасывает опасные отходы. Возможно, вас удивит, что лаборантки обращаются к мистеру Грину, когда надо перенести баллоны с газом. Раньше лаборантки справлялись с этим самостоятельно, пока однажды одна из них не выронила баллон и его содержимое вырвалось наружу. Никто не пострадал, но если бы газ не был инертным... – Она скорбно умолкла. – Бывает, что кто-нибудь из ученых работает с радиоактивными веществами. В этом случае требуется выкладывать защитный экран из свинцовых блоков, а они ужасно тяжелые.

– Странно, что в таком научном центре газ идет не по трубам и экраны не подготовлены заранее.

Мисс Дюпре поднялась, вновь возвышаясь над ним.

– У вас есть еще вопросы ко мне, сэр?

– Нет. Спасибо, что уделили мне время.

«Ну и как теперь искать к ней подход, – размышлял Кармайн, шагая по коридору к кабинету Тамары Вилич. – Мне отчаянно не хватает как раз той информации, которой она располагает».

Кабинет секретарши соединялся с кабинетом профессора, – Кармайн сразу же заметил дверь.

– А вы понимаете, – едким тоном начала Тамара Вилич, завидев его, – что причиняете нам неудобства, задерживая нас здесь допоздна? Я опоздала на встречу.

– Издержки власти, – отозвался Кармайн, не присаживаясь. – Между прочим, за сегодняшний день я наслушался столько научной зауми, что не переварить и за несколько месяцев. Так что я тоже вынужден терпеть неудобства, мисс Вилич. Работаю без завтрака, без обеда и до сих пор без ужина.

– Так давайте поскорее закончим! Мне уже пора!

Отчаяние в голосе? Любопытно.

– Вы когда-нибудь обращали внимание на пакеты с трупами животных, мэм?

– Нет. – Она с досадой бросила взгляд на часы.

– Никогда?

– Ни разу!

– В таком случае можете идти на свою встречу, мисс Вилич. Спасибо.

– Я уже опоздала! – отчаянно выкрикнула она. – Безнадёжно опоздала!

И тем не менее она удалилась почти бегом, прежде чем Кармайн успел постучаться в дверь профессора.

Тот выглядел более встревоженным, чем утром, – возможно, потому, что события минувшего дня так и не развеяли его беспокойство и не удовлетворили любопытство.

– Мне придется известить правление, – сообщил Смит, предупредив вопрос Кармайна.

– Правление?

– Институт финансируется из частных источников, лейтенант, поэтому находится под пристальным надзором правления. Все мы так или иначе платим за то, что получаем. Щедрость попечителей из правления прямо пропорциональна объему поистине гениальной и ответственной работы, которая выполняется в Хаге. Нашей репутации нет равных. Хаг вносит огромный вклад в науку. А этот... этот единичный случай! Непредвиденное обстоятельство, способное нанести сокрушительный удар по нашей работе.

– По-вашему, убийство – непредвиденное обстоятельство, профессор? Я бы выразился иначе. Но давайте пока не будем об этом. Кто входит в правление?

– Сам Уильям Парсон умер в 1952 году. Он передал управление своей империей двум племянникам, Роджеру-младшему и Генри Парсону. Роджер-младший – председатель правления, Генри – его заместитель. Их сыновья Роджер-третий и Генри-младший тоже входят в правление. Пятый член семьи Парсон, входящий в совет попечителей, – Ричард Спейт, директор «Банка Парсона» и сын сестры Уильяма Парсона. Президент Чабба Моусон Макинтош – директор правления, доктор Уилбур Даулинг – директор по медицинским вопросам. Последний член правления – я, – заключил Смит.

– Следовательно, большинство голосов за Парсонами. Должно быть, они вам шагу не дают ступить.

Смит искренне изумился:

– Нет, что вы! Напротив! Нам предоставлена в буквальном смысле слова полная свобода действий. Уильям Парсон в своем завещании выразился более чем определенно. «Заплатишь орехами – получишь обезьяну» – его любимая присказка. Поэтому сегодняшнее непредвиденное обстоятельство беспокоит меня, лейтенант. Меня не покидает ощущение, что это страшный сон.

– Профессор, труп существует. Но давайте ненадолго отвлечемся от него. – Кармайн обезоруживающе улыбнулся. – Что происходит между мисс Дюпре и мисс Вилич?

Длинное лицо Смита пошло морщинами.

– Неужели это так заметно?

– Для меня – да.

Незачем подставлять Хилду Силвермен.

– Первые девять лет существования Хага Тамара совмещала обязанности моего секретаря и администратора. Затем она вышла замуж. Уверяю вас, о ее муже мне неизвестно ровным счетом ничего – кроме того, что спустя несколько месяцев он бросил Тамару. Но за время их совместной жизни карьера Тамары серьезно пострадала. Правление решило, что администрированием должен заниматься квалифицированный специалист.

– Муж мисс Вилич был... «хагцем»?

– У нас говорят – «хагистом», лейтенант, – сквозь зубы пояснил Смит. – Фрэнк Уотсон подпустил еще одну шпильку: заявил, что если есть «чаббисты», то должны быть и «хагисты». Нет, муж Тамары не был ни «хагистом», ни «чаббистом». – Он тяжело вздохнул. – Если говорить начистоту, он подбил бедняжку на растрату. Мы провели внутреннее расследование и решили ничего не предпринимать.

– Странно, что правление не потребовало уволить ее.

– Этого я никак не мог допустить, лейтенант! Тамара поступила ко мне прямо из колледжа секретарей Керка, другой работы у нее никогда не было. – Снова сокрушенный вздох. – Но когда появилась мисс Дюпре, Тамара, как и следовало ожидать, ополчилась против нее. Досадно. Мисс Дюпре работает безупречно. И если говорить объективно, гораздо лучше, чем Тамара! У нее дипломы администратора в сфере медицины и бухгалтерии.

– Непростая дама. Может, они поладили бы, будь у мисс Дюпре побольше обаяния?

Приманка осталась незамеченной, профессор предпочел сообщить, что в институте мисс Дюпре любят и ценят.

Кармайн взглянул на часы:

– Пора отпустить вас домой, сэр. Спасибо вам за помощь.

– Но неужели вы и вправду считаете, что этот труп имеет хоть какое-то отношение к Хагу и моим подчиненным? – спросил профессор, шагая рядом с Кармайном по коридору.

– По-моему, к Хагу и к вашим подчиненным труп имеет самое прямое отношение. Будьте добры, профессор, отложите заседание правления до следующего понедельника. Изложить ситуацию мистеру Роджеру Парсону-младшему и президенту Макинтошу можете прямо сейчас, но больше никому ни слова. Никаких исключений – ни для жен, ни для коллег.

Благодаря соседству с окружным полицейским управлением заведению «Мальволио» было выгодно работать круглосуточно. Вероятно, потому, что большинство его завсегдатаев носили темно-синюю форму, интерьер был выдержан в тонах веджвудского фарфора, зеленоватую голубизну которого оттеняли гипсовые дивы, гирлянды и завитушки. Кори и Эйб давно разъехались по домам к тому времени, когда Кармайн припарковался у закуской. Он заказал мясной пирог с подливкой и картофельным пюре, салат с зеленым соусом и два куска яблочной запеканки с мороженым.

Наконец-то набив желудок, он добрался до дома, долго стоял под душем, потом рухнул на постель и забылся крепким сном.

Вернувшись домой, Хилда Силвермен обнаружила, что Рут уже приготовила ужин: нажала целую сковороду свиных отбивных, не удосужившись срезать с них жир, развела полуфабрикатное картофельное пюре, чего не надо было делать так рано, залила итальянской приправой кочанный салат, он стал клеклым и прозрачным, и припасла на десерт замороженный шоколадный кекс «Сара Ли». «Хорошо еще, что мне незачем беречь фигуру, – подумала Хилда. – Удивительно, как Кит до сих пор не растолстел, ведь он обожает мамулину стряпню. Пожалуй, единственная оставшаяся у него черта плебея. Нет, Хилда, ты несправедлива! Свою мамулю Кит любит ничуть не меньше, чем ее стряпню».

Впрочем, Кит отсутствовал. Его тарелка, укутанная в фольгу, стояла поверх кастрюли с водой на медленном огне, и Рут была готова поддерживать его, во сколько бы сынок ни появился домой – хоть в два, хоть в три часа ночи.

Хилда недолюбливала свекровь, потому что та гордилась своими плебейскими корнями. Тем не менее у них было нечто общее – точнее, некто по имени Кит. И Кит был для обеих всем. И если Кит не желал, чтобы люди знали о его прошлом, это вполне устраивало его мамулю, которая умерла бы за него с такой же радостью, как и Хилда.

Быт и комфорт Кита и Хилды во многом зависели от Рут: благодаря ей Хилда могла не увольняться с хорошо оплачиваемой работы. Более того, Рут даже нравилось жить в дрянном доме и в дрянном районе – он напоминал ей (и содрогающемуся от этих воспоминаний Киту) давние времена и дом в Дейтоне, штат Огайо. Тамашние жители тоже захламляли дворы сломанными посудомойками и ржавыми автомобилями, и было так же сыро, тоскливо и холодно, как на Грисволд-лейн в Холломене.

Кит и Хилда жили в самой жалкой развалюхе, потому что арендная плата за нее была грошовой и позволяла откладывать большую часть жалованья (ее вклад вдвое превосходил его вклад). Закончив интернатуру и отработав положенный срок после защиты, Кит твердо рассчитывал на прибыльную нейрохирургическую практику, предпочтительно в Нью-Йорке. Влачить жалкое существование в низкооплачиваемой научной сфере – это не для Кита Кайнтон! Мать и жена предпринимали героические усилия, чтобы помочь ему реализоваться. Рут была прирожденной скупердйкой и в супермаркете раскошеливалась только на просроченные продукты. Хилда сэкономила даже на примитивной стрижке, не позволяла себе купить и пары симпатичных заколок, мирилась с уродливыми очками. В то же время у Кита была хорошая одежда и автомобиль, а работать без дорогостоящих контактных линз он попросту не мог. Кит должен был иметь все самое лучшее.

Едва Рут и Хилда собрались присесть и перевести дух, в дом ворвался Кит, а вместе с ним – солнце, луна, звезды и все ангелы из рая. Хилда вскочила, обняла его и уткнулась носом в его шею – о, какой он рослый, сильный, чудесный, ее Кит!

– Привет, киска, – сказал Кит, обнимая одной рукой жену и потянувшись чмокнуть в щеку мать. – Привет, ма, что на ужин? Неужто твои коронные отбивные?

– Что же еще, сынок? Садись-ка, я тебя покормлю.

Они расселись за квадратным столиком на кухне. Кит и Рут жадно поглощали жирное, странное на вкус мясо. Хилда только вяло ковырялась.

– Сегодня у нас было убийство, – глядя на отбивную, сообщила она.

Кит вскинул голову, но был слишком занят ужином, чтобы отозваться, а Рут отложила вилку и вытаращила глаза.

– Уголовщина! – воскликнула она. – Настоящее убийство?

– Во всяком случае, нашли труп. Потому я и вернулась так поздно. Все здание заполнила полиция, никого из нас не пустили даже пообедать. Почему-то всех, кто работает на четвертом этаже, допрашивали в последнюю очередь. А откуда им знать, как в виварии на первом этаже мог очутиться труп? – Хилда возмущенно фыркнула, отделяя жир от своей отбивной.

– В больнице и в медицинской школе сегодня только об этом и говорили, – сказал Кит и подложил себе еще пару отбивных. – Я весь день проторчал в оперблоке, но анестезиолог и операционная сестра только об этом и говорили. Забыли и про раздвоенную аневризму в средней мозговой артерии! А потом явился рентгенолог с известием, что в базилярной артерии еще одна аневризма, так что вся наша работа пошла насмарку.

– А разве на ангиограмме не было видно?

– Базилярная плохо заполнилась, Миссингем просмотрел пленки только к тому времени, когда мы почти закончили, – ездил в Бостон. А его помощник даже собственную задницу обеими руками не найдет, не то что аневризму в незаполненной базилярной артерии! Извини, мамуля, не день был, а кошмар.

Хилда с обожанием смотрела на мужа. Как ей вообще удалось завладеть вниманием Кита Кайнтон? Загадка. Но Хилда была готова вечно благодарить небеса. Он воплощение всех ее

мечтаний – рост, вьющиеся светлые волосы, прекрасные зеленые глаза, мощной лепки лицо и мускулистое тело. А какой он обаятельный, красноречивый, какой милый! Не говоря уже о том, что он талантливый нейрохирург, выбравший очень перспективную специализацию – аневризмы мозга. Еще совсем недавно они считались неоперабельными и были, в сущности, смертным приговором, но теперь на вооружении нейрохирургов есть методы охлаждения организма, да и сердце можно остановить на несколько драгоценных минут, необходимых для иссечения аневризмы. Так что будущее Кита обеспечено.

– Ну, давай, рассказывай подробности, – потребовала Рут, возбужденно поблескивая глазами.

– Не могу, Рут, я их не знаю. Полицейские держали языки за зубами, а лейтенант, который беседовал со мной, мог бы преподать урок скрытности католическому священнику. Соня сказала, что он произвел на нее впечатление очень умного и образованного человека, и я готова с ней согласиться.

– Как его фамилия?

– Итальянская какая-то.

– А разве у копов другие бывают? – спросил Кит и засмеялся.

Профессор Боб Смит ужинал с семьей – женой Элизой и сыновьями. Отправив после чая мальчишек делать уроки, он остался за столом.

– Это серьезное осложнение.

– Ты имеешь в виду правление? – спросила Элиза, подливая ему кофе.

– И его тоже, но в первую очередь – работу, дорогая. Знала бы ты, какими вспыльчивыми бывают эти ученые! Из них только Аддисон не стал предъявлять мне претензии. Он благодарен Богу уже за то, что жив. А его соображения по поводу антиконвульсантов устраивают и его, и меня, и, если аппаратура исправна, он всем доволен. Хотя не понимаю, как можно пребывать в эйфории, пробегая трусцой по восемь километров в день. Комплекс Лазаря. – Он усмехнулся, и усмешка преобразила его красивое лицо. – Ух как он разозлился, когда я запретил ему бегать по утрам до работы! Взбесился, но сумел себя обуздать.

Элиза мелодично засмеялась.

– Ни один бегун не догадается, что коллегам неприятен его запах после такого моциона. – Она посерьезнела. – Кому я больше всех сочувствую, так это его несчастной жене.

– Робин? Этому ничтожеству? Но почему?

– Потому что Аддисон Форбс обращается с ней как со служанкой, Боб. Да, можешь мне поверить! Только представь себе, сколько времени она тратит на приготовление ему еды. Ведь у него диета, он вегетарианец. А эта стирка вонючей одежды? От нее житья нет.

– А по-моему, дорогая, это такие мелочи.

– Я тоже так считаю, но Робин... Конечно, умной ее не назовешь, и Аддисон всячески подчеркивает это. Иногда я замечаю, как он исподтишка наблюдает за ней и прямо заходится от злобы – клянусь, он ненавидит ее, ненавидит всем сердцем!

– Такое бывает, когда студенту-медику приходится жениться на медсестре, – сухо заметил Смит. – Интеллектуального равенства между ними нет, и когда он заканчивает учебу, то начинает стыдиться жены.

– Ты такой сноб.

– Просто прагматик. И я прав.

– Ну хорошо, возможно, в твоих словах есть доля истины, но все равно он слишком жесток, – возразила Элиза. – Представь, он даже в собственном доме не дает ей шагу ступить! У них есть симпатичная башенка с балкончиком, откуда видно гавань, так вот Аддисон запрещает жене входить туда! Тоже мне – Синяя Борода!

– Это – доказательство ее неряшливости, а он ведь одержим порядком. Кстати, не забывай: я ведь запрещаю тебе спускаться в подвал.

– Да меня туда и не тянет, но, по-моему, с мальчиками ты слишком строг. Они уже совсем большие и ничего не портят и не ломают. Почему бы не разрешить им бывать в подвале?

Его челюсти сжались, лицо затвердело.

– Я раз и навсегда запретил мальчикам приближаться к подвалу, Элиза.

– Но это несправедливо: пока ты дома, ты оттуда почти не выходишь. Тебе следовало бы уделять нашим сыновьям больше времени, приобщать их к своей причуде.

– Я же просил не называть это причудой!

Она поспешила сменить тему, видя по упрямому выражению лица мужа, что он все равно не станет ее слушать.

– Скажи, Боб, а почему столько шума из-за этого убийства? Ведь оно не может иметь никакого отношения к Хагу.

– Согласен, дорогая, но полиция считает иначе, – скорбно объяснил Смит. – Вообрази, у всех сняли отпечатки пальцев! Хорошо, что у нас исследовательская лаборатория. Краску удалось оттереть ксилолом.

Тон, которым Уолт Полоновски обратился к своей жене, был почти грубым:

– Куда подевался мой пиджак в красную клетку?

На миг она прервала хлопоты на кухне. Мики она держала на бедре, Эстер цеплялась за ее юбку. Во взгляде, обращенном на мужа, смешались презрение и досада.

– Господи, Уолт, да ведь сезон охоты еще не начался! – воскликнула она.

– Он уже не за горами. В эти выходные съезжу в охотничий домик – надо подготовиться. Значит, пиджак мне понадобится. А там, где он висел, его нет.

– Как и тебя, – пробормотала она, усадила Мики на высокий стульчик, Эстер – на обычный стул с высокой подушкой. Потом позвала Стенли и Беллу: – Ужин готов!

Мальчик и девочка вприпрыжку ворвались в комнату. Мама отлично готовит и никогда не заставляет их есть то, что они терпеть не могут – шпинат или морковь, а капусту дает только в салате.

Уолтер уселся в конце длинного стола, Паола села напротив и стала кормить с ложки Мики, поднося пюре к разинутому, как у птенца, роту, попутно следя за Эстер, которая до сих пор не научилась уверенно держать в руках ложку.

– У меня просто в голове не укладывается твой эгоизм, – заговорила Паола. Как прекрасно было бы вывезти детей за город в выходные! Так нет! Охотничий домик твой, а нам остается только свистеть в кулак. А вот свистеть, Стенли, тебе никто не разрешал!

– Вот именно: домик мой, – холодно подтвердил он, разделявая вилкой аппетитную лазанью. – Дед завещал его мне, Паола, только мне, и больше никому. Это единственное место, где я могу хоть немного отдохнуть от всего этого кагала!

– То есть от жены и четырех детей?

– Правильно.

– Если ты не хотел четырех детей, Уолт, почему же не завязал с этим раньше? Танго танцуют вдвоем.

– Танго? Что это? – влез в разговор Стенли.

– Сексуальный танец, – бросила его мать.

По непонятной для Стенли причине этот ответ заставил его отца расхохотаться.

– Замолчи! – рявкнула Паола. – Умолкни, Уолт!

Он вытер выступившие слезы, положил в пустую тарелку Стенли еще кусок лазаньи и взял добавки себе.

– В пятницу вечером я уеду в охотничий домик, Паола, и вернусь только рано утром в понедельник. У меня накопилось много работы, а в этом доме, бог свидетель, спокойно не считаешь!

– Уолт, если бы ты бросил эту дурацкую науку и занялся выгодной частной практикой, мы могли бы поселиться в просторном доме, где тебе не помешали бы даже двенадцать детей! – В ее огромных карих глазах заблестели злые слезы. – У тебя же безупречная репутация, ты, как никто другой, разбираешься в этих чудных болезнях с фамилиями вместо названий – болезнь Уилсона, Гентингтона и еще какие-то, все даже не упомянуть! Я знаю, тебе постоянно предлагают частную практику – в Атланте, Майами, Хьюстоне. Там тепло. Там прислуга обходится дешевле. Там дети могли бы учиться музыке, а я – вернуться в колледж...

Он с силой хватил кулаком по столу. Дети вздрогнули и замерли.

– Паола, откуда тебе известно, что мне предлагают? – спросил он тоном, не предвещающим ничего хорошего.

Она побледнела, но по-прежнему держалась вызывающе.

– Ты же разбрасываешь свои письма, а я нахожу их.

– И суешь в них свой нос. И после этого еще удивляешься, что меня тянет прочь из дома. Моя почта – мое личное дело, ясно? Личное!

Уолт отшвырнул вилку, отодвинул стул и с раздражением вышел из кухни. Вместе с детьми проводив его взглядом, Паола вытерла перепачканное личико Мики и поднялась, чтобы подать мороженое и желе.

Сбоку от холодильника висело старое зеркало. Паола заметила промелькнувшее в нем собственное отражение и чуть не разрыдалась. Восьми лет хватило, чтобы превратить жизнерадостную и хорошенькую девушку с безупречной фигуркой в исхудавшую дурнушку, которая выглядела значительно старше своих лет.

Ах, как хорошо ей было с Уолтом. Она кокетничала с ним, она увлекала его! Настоящего врача с дипломом, такого талантливого, что на него вот-вот польется денежный дождь! Она не учла одного: Уолт и не собирался расставаться с наукой. Даже водопроводчикам платят больше! А детей уже четверо. Помешать появлению пятого малыша помог только грех – Паола начала принимать таблетки.

Она понимала, что ссоры разрушают ее семью. Они расстраивают детей, изматывают ее, из-за них Уолт все чаще уезжает в охотничий домик. Этого домика Паола и в глаза не видела. И не надеялась увидеть. Уолт даже не говорил, где он находится.

– Ура, мороженое с помадкой! – возликовал Стенли.

– Помадка вместе с желе – невкусно, – поморщилась капризуля Белла.

Паола считала себя хорошей матерью.

– Хочешь, я положу тебе желе и мороженое в разные тарелки, детка?

* * *

Оказавшись наконец в своих апартаментах в пентхаусе самого высокого здания Холломена, доктор Хидеки Сацума с удовольствием чувствовал, как дневное напряжение покидает тело.

Эйдо вернулся домой пораньше, приготовил все по вкусу хозяина, а затем спустился на десять этажей ниже, в свою квартиру, где обитал вместе с женой.

Отделка помещения создавала обманчивое впечатление простоты: темные панели, двери из черного дерева в форме квадратов, старинная трехстворчатая ширма; женщины с бесстрастными лицами, глаза-щелки, пышные прически и бамбуковые зонтики; пьедестал из полированного черного камня, а на нем – безупречный цветок в витой вазе от «Штойбен»; до блеска натертые черные деревянные полы.

Блюдо суши ожидало его на столе из черного лака, в спальне было заботливо разложено свежее кимоно и развернутый футон, над джакузи поднимались струйки пара.

Чистый, насытившийся и умиротворенный, он подошел к стеклянной стене, отделяющей комнаты от двора, и постоял, наслаждаясь его совершенством. Это сооружение потребовало огромных затрат, но о деньгах Хидеки никогда не задумывался. Ему очень повезло: нашел квартиру с местом для сада на крыше. С наружной стороны стены, обращенные к дворику, были зеркальными, а изнутри – прозрачными, почти незаметными. Сам дворик поражал почти аскетической простотой. Несколько хвойных растений-бонсай, высокий голливудский кипарис, которому придали форму двойной спирали, древний японский клен, десятка два булыжников разной формы и размера, пестрая мраморная галька, уложенная сложным рисунком, ходить по которому не полагалось. Все силы его личной вселенной собрались здесь, чтобы способствовать его процветанию.

Но сегодня, морщась от слабого запаха ксилона, который улавливал его чуткий нос, Хидеки Сацума смотрел на свой дворик и сад и понимал: устои его личной вселенной пошатнулись. Значит, пора переставить кадки, переложить камни и землю, чтобы нейтрализовать действие тревожных обстоятельств. Над этими обстоятельствами у него нет власти, а он к этому не привык. Вот они, вот... Там, где обломки яшмы образуют извилистую розовую струйку... И там, где острый серый камень нацелен, как лезвие, прямо в нежную, как вульва, округлость расколотого красного валуна... И там, где двойная спираль голливудского кипариса устремлена в небо... Все не так, все неправильно, все надо начинать заново.

Хорошо было бы пожить в доме на берегу Кейп-Кода. Но то, что произошло там, невозможно забыть. Да и путь слишком долгий, даже для бордового «Феррари». Нет, этот дом предназначен для других целей, и, несмотря на связь со стержнем его вселенной, эпицентр возмущения находится здесь, во внутреннем дворе.

Может быть, подождать до выходных? Нет, ни в коем случае. Хидеки Сацума нажал на кнопку звонка, призывая к себе Эйдо.

Дездемона добралась наконец домой. Она жила на третьем этаже трехквартирного дома на Сикамор-стрит, у самой Ямы. Сначала она приняла горячую ванну, чтобы смыть следы трехкилометровой дороги домой, затем отправилась в кухню и открыла две банки: с ирландским рагу и со сливочным рисовым пудингом. Кулинарки из Дездемоны так и не получилось. Глаза, которые Кармайн нашел прекрасными, не замечали ни пятен на линолеуме, ни отклеившихся обоев – тяга к мещанскому комфорту была ей чужда.

Наконец, облаченная в клетчатый мужской халат, она перешла в гостиную, где ее ждала большая плетеная корзина, стоявшая на высокой тростниковой подставке возле любимого кресла с выпирающими пружинами. Но эта мелочь ее не заботила. Нахмурившись, Дездемона стала перебирать содержимое корзины, но длинного лоскута шелка, на котором она вышивала панно для Чарльза Понсонби, не было. Разве шелк не сверху лежал? Да, она точно это запомнила. В жизни Дездемоны Дюпре не было места хаосу: каждая вещь имела свое постоянное место. Но рукоделия на привычном месте не оказалось. Вместо него она обнаружила пучок выходящих черных волос. Дездемона извлекла находку, чтобы получше рассмотреть. И тут же увидела панно с вышивкой в кроваво-красных тонах, валяющееся на полу за креслом.

Забыв о волосах, Дездемона подхватила вышивку и расправила ее, выясняя, сильно ли та пострадала. Но вышивка лишь слегка помялась.

Как странно! Как она очутилась на полу?

Внезапно Дездемону осенило, и она поджала губы. Должно быть, в квартире хозяйничал проныра Паркер, домовладелец, живущий этажом ниже. Ну и что прикажете с ним делать? Его жена так мила, да и он тоже производил хорошее впечатление. И потом, где еще можно снять квартиру с полной обстановкой всего за семьдесят долларов в месяц, да еще в безопасном районе? Выбросив пучок волос в кухонное ведро, Дездемона с ногами забралась в массивное кресло, чтобы вновь взяться за вышивку, которую втайне считала лучшей из своих работ.

Замысловатый, сложный узор разных оттенков – от розового до почти черного – змеился на фоне бледно-розового шелка.

Нет, но каков мерзавец ее хозяин! Пора устроить ему ловушку.

Рисование изнурило Тамару, ее воображение оказалось не в состоянии создать уродливое, пугающее лицо. Когда-нибудь получится, но не сейчас. Слишком мало времени прошло после сегодняшней катастрофы. Этот наглый коп Дельмонико! Его мерзкая походочка, широкие плечи, из-за которых он казался ниже ростом, толстая шея, на которой любая голова показалась бы карликовой, но только не его! Она просто чудовищна! Но сколько Тамара ни старалась и ни стискивала зубы, придать его лицу сходство со свиным рылом так и не удалось. А ведь именно из-за него она пропустила эту встречу. И кто же он, как не самый уродливый в мире боров.

Она никак не могла заснуть. Что же делать? Читать какой-нибудь грошовый детектив? Плюхнувшись в большое кресло, обитое пурпурной кожей, она потянулась к телефону.

– Дорогой... – начала она, услышав сонный голос.

– Я же говорил тебе: никогда сюда не звони!

В трубке послышались гудки.

Лежа в постели и прижимаясь щекой к пышной груди жены, Сесил пытался все забыть.

* * *

Отис прислушивался к ритмичному стуку своего сердца, и слезы катились по его морщинистому лицу. Не будет больше свинцовых блоков, не будет баллонов с газом для симпатичных куколок, не будет клеток, которые надо запихивать в лифт. Проживет ли он на пенсию?

Уэсли был слишком счастлив и возбужден, чтобы уснуть. Как приободрился Мохаммед, выслушав его! Провинциал из Луизианы вдруг вырос в его глазах. Уэсли Леклерку поручили держать Мохаммеда эль-Несра в курсе дел, сообщать ему, как продвигается расследование убийства чернокожей женщины в Хаге. Он добился своего.

Нур Чандра удалился в коттедж, куда доступ был открыт только ему и его «мальчику для битья» Мисрартуру. Он сел, скрестив ноги и положив на колени руки с обращенными вверх пальцами. Положение каждого было строго выверено. Он не спал, но и не бодрствовал. Просто находился в ином месте, в другом пространстве. И нужно было побороть и изгнать чудовищ, страшных чудовищ.

Морис и Кэтрин Финч корпели над счетами, устроившись за кухонным столом.

– Грибы-грибочки! – ворчала Кэтрин. – Заплатишь втридорога, Мори, вот увидишь, а покупать их никто не будет.

– Милая, зато я буду при деле! Ты же сама сказала: подготовка парника – полезная нагрузка для организма. Я уже столько земли перекопал. Будем выращивать экзотические сорта для самых дорогих магазинов Нью-Йорка.

– Денег угрожаем уйму, – упрямо повторила она.

– Кэти, солить их нам, что ли? Детей у нас нет, зачем дрожать над каждой монетой? Как думаешь, что сделают твои племянники и мои племянницы с этой фермой, если она достанется им? Продадут ее, Кэти, вот так-то! Так давай сперва выжмем из нее все, что можно!

– Ладно, ладно, выращивай свои грибы! Только не говори потом, что я тебя не предупреждала!

Он улыбнулся и пожал ее мозолистую руку.

– Обещаю, я не стану ныть, если дело провалится. Но оно не провалится, можешь мне поверить.

Глава 2

Четверг, 7 октября 1965 г.

Рабочий день Кармайна начался в кабинете комиссара Джона Сильвестри. Коллеги расположились полукругом у стола. Слева от лейтенанта сидели капитан Дэнни Марчиано и сержант Эйб Голдберг, справа – доктор Патрик О’Доннелл и сержант Кори Маршалл.

Уже далеко не в первый раз Кармайн поблагодарил свою счастливую звезду за то, что подчиняется еще двум начальникам.

Смуглый красавец Джон Сильвестри всегда был кабинетным полицейским и втайне надеялся, что через пять лет, уйдя в отставку, сможет с полным правом заявить, что никогда не брал в руки табельное оружие во время уличных перестрелок, а тем более не стрелял из винтовки или дробовика. Что выглядело бы странно, поскольку в армию США он ушел в 1941 году в чине лейтенанта и в 1945 году демобилизовался, получив всевозможные награды, в том числе Почетный орден конгресса. Самой досадной была его привычка не просто курить, а сосать сигары и повсюду разбрасывать мокрые вонючие окурки.

Прекрасно зная, что сигарные окурки больше всего раздражают Дэнни Марчиано, Сильвестри любил подсунуть пепельницу прямо под его брезгливо сморщенный нос. Благодаря примеси североитальянской крови кожа Марчиано была светлой и веснушчатой, глаза – голубыми, а несколько килограммов веса из-за сидячей работы – лишними. Этому славному малому не доставало хитрости и терпения, чтобы подсидеть комиссара.

Эти двое игнорировали политическое давление со стороны городских и окружных властей и за своих товарищей готовы были стоять горой. Все знали, что Кармайн числится у них в любимчиках, но недовольства это обстоятельство не вызывало, поскольку означало лишь одно: Кармайну и впредь будут доставаться щекотливые дела, требующие дипломатичного подхода и умения общаться и с обвинителями, и с обвиняемыми. И потом, второго такого специалиста по расследованию убийств в управлении не было.

Кармайн только что окончил первый курс в Чаббе, когда началась война с Японией. Отложив учебу, он пошел в армию. По чистой случайности его откомандировали в военную полицию, и когда караульная служба осталась позади, Кармайн обнаружил, что любит свою работу: в армии военного времени совершалось не меньше запутанных преступлений, чем на улицах любого города. Когда война закончилась, Кармайн уже был майором и мог претендовать на окончание Чабба по ускоренной программе. Но, получив возможность преподавать английскую литературу или математику, он решил, что ему лучше работать в полиции, и в 1949 году туда устроился. Сильвестри сразу разглядел потенциал подчиненного и перевел его в уголовный отдел, где Кармайн работал и поныне, уже в чине старшего лейтенанта. Собственного отдела убийств в полиции не было – Холломен не считался крупным городом, поэтому дела Кармайну доставались самые разные. Но специализировался он в основном на убийствах и добился высочайшей степени раскрываемости – почти стопроцентной, хотя, разумеется, приговоры бывали не только обвинительными.

Он слушал внимательно, но без напряжения: предстоял любопытный разговор.

– Давай первым, Патси, – велел Сильвестри, которому не нравилось дело Хага уже потому, что широкая огласка ему была обеспечена. Пока «Холломен пост» ограничилась короткой заметкой, но едва станут известны детали, статьи на первой полосе не избежать.

– Могу с уверенностью утверждать, – начал Патрик, – что тот, кто положил расчлененный труп в холодильник вивария в Хаге, не оставил на нем ни отпечатков пальцев, ни волос, ни каких-либо других следов. Погибшей лет шестнадцать-семнадцать, она полукровка. Мини-

атюрна. На правой ягодице обнаружен струп в форме сердца – родинка, удаленная десять дней назад. Но это была не пигментированная родинка, а гемангиома – опухоль, состоящая из кровеносных сосудов. Убийца воспользовался диатермическими щипцами, чтобы закрыть все сосуды опухоли и вызвать полную коагуляцию. Ему понадобилось несколько часов. Затем он обработал место родинки гелем, способствующим свертыванию крови, и ранка, когда подсохла, стала совсем небольшой и аккуратной. Я нашел следы вещества, которое сначала принял за крем на масляной основе, но ошибся. – Он глубоко вздохнул. – Это был грим, подобранный точно под цвет ее кожи.

Кармайна передернуло.

– Значит, даже после удаления родинки она не выглядела совершенством и он намазал ее гримом. Тип со странностями, Патси!

– Да уж, – согласился Патрик.

– Так он хирург? – спросил Марчиано, стараясь отодвинуться подальше от пепельницы Сильвестри.

– Не обязательно, – вступил в разговор Кармайн. – Вчера я беседовал с одной дамой, которая занимается микрохирургией и работает с подопытными животными из Хага. Так вот, диплома хирурга у нее нет. В любом крупном исследовательском центре вроде медицинской школы Чабба наберется десятков-другой лаборантов, которые способны оперировать не хуже хирурга. Кстати, пока Патси не объяснил, как именно преступник провел коагуляцию кровотока родинки, я подозревал и мясников, и работников бойни. Но теперь вижу, что их можно решительно исключить.

– И ты считаешь, что преступник как-то связан с Хагом, – подытожил Сильвестри, посаывая сигару.

– Да.

– Что дальше?

Кармайн поднялся, кивнув Кори и Эйбу.

– Поднимем сведения о пропавших без вести. Возможно, по всему штату. В Холломене вряд ли что-нибудь найдется, разве что убийца долго продержал ее взаперти. Поскольку мы не знаем, как выглядела погибшая, сосредоточим внимание на родинке.

Патрик вышел вместе с ним.

– Это дело с налету не раскрутишь, – предупредил он. – Ублюдок не оставил тебе ни одной зацепки.

– Думаешь, я сам не вижу? Если бы та обезьяна не очнулась, мы даже не узнали бы о преступлении.

Информация о пропавших без вести в Холломене ничего не дала. Кармайн принялся обзванивать другие полицейские управления штата. Выяснилось, что недавно копы нашли труп десятилетней девочки в лесу у Аппалачской тропы – о пропаже этого рослого цветного ребенка заявили родители. Но девочка умерла от остановки сердца, в обстоятельствах ее смерти не было ничего необычного.

Из полиции Норуолка сообщили о пропаже шестнадцатилетней доминиканки Мерседес Альварес. Она исчезла десять дней назад.

– Рост метр пятьдесят, волнистые, но не курчавые темные волосы, темно-карие глаза, довольно миловидное лицо, зрелая фигура, – перечислял полицейский, представившийся лейтенантом Брауном. – Да, и еще большая родинка в форме сердца на правой ягодице.

– Никуда не уходите, я подъеду через полчаса.

Поставив мигалку на крышу «Форда», Кармайн помчался по шоссе под вой сирены и преодолел шестьдесят километров за двадцать минут.

Лейтенант Джо Браун оказался почти ровесником Кармайна – ему недавно перевалило за сорок. Как ни странно, он нервничал, впрочем, как и остальные копы, находившиеся поблизости. Кармайн изучил цветной снимок, приложенный к делу, прочитал описание родинки и увидел ее набросок, сделанный чьей-то неумелой рукой.

– Да, это наша находка, – заключил он. – А она милашка! Рассказывайте, Джо, что о ней известно.

– Она училась в старших классах школы Святой Марфы. Хорошие отметки, никаких проблем, в том числе с мальчиками. Эта доминиканская семья живет здесь, в Норуолке, уже двадцать лет; отец собирает дорожную пошлину у заставы, мать – домохозяйка. Шестеро детей – два мальчика и четыре девочки. Мерседес старшая... то есть была старшей. Самому младшему, мальчику, всего три. Они живут в тихом старом районе и ни в чьи дела не суются.

– Кто-нибудь видел, как похитили Мерседес? – спросил Кармайн.

– Никто. Мы из кожи вон лезли, чтобы найти ее, потому что... – он сделал паузу и тревожно нахмурился, – она уже вторая девочка этого типа, пропавшая за последние два месяца. Первая училась в том же классе и была подругой Мерседес, но не слишком близкой, на мой взгляд. После уроков Мерседес занималась музыкой и возвращалась домой к половине пятого. Ее ждали до шести, потом узнали у монахинь, что Мерседес покинула школу в обычное время. После этого мистер Альварес позвонил нам. К тому времени они уже знали про Верину и очень беспокоились.

– Верина – это первая девочка?

– Да, Верина Гаскон. Из семьи креолов с Гваделупы, живущих здесь уже очень давно. Верина исчезла по пути в школу. Обе семьи живут неподалеку от школы Святой Марфы, на расстоянии всего одного квартала, – пешком легко добраться. Мы прочесали весь Норуолк, но девочка как сквозь землю провалилась. И вот теперь вторая...

– Мог ли кто-нибудь из девочек тайно встречаться с парнем?

– Ни в коем случае, – решительно заявил Браун. – Вы сами поняли бы это, если бы познакомились с их родителями. Это католики старой школы: они очень любят своих детей, но держат в строгости.

– Я познакомлюсь с ними, но попозже, – пообещал Кармайн. – Вы не могли бы организовать опознание Мерседес мистером Альваресом... по родинке? Мы можем показать ему только небольшой фрагмент кожи, но надо предупредить его...

– Понимаю, мне придется сообщить бедняге, что кто-то разделал на куски его дочь, – подхватил Браун. – Господи, какой же дрянной бывает наша работа.

– Священник сможет сопровождать его?

– Попробую договориться. Или монахини, чтобы поддержать в случае необходимости.

Кто-то принес кофе и пончики с желе, и полицейские с жадностью съели по две штуки. Ожидая, когда с каждого дела снимут копии, Кармайн позвонил в Холломен.

Эйб сообщил, что Кори уже в Хаге, а сам он направляется к декану Уилбуру Даулингу, чтобы выяснить, сколько холодильников для трупов животных находится в медицинской школе.

– Есть сообщения о других пропавших, подходящих под описание? – спросил Кармайн, немного приободрившись после еды.

– Да, о троих. Одна из Бриджпорта, вторая из Новой Британии, третья из Хартфорда. Но поскольку родинки у них не было, запрашивать подробности мы не стали. Все исчезновения произошли несколько месяцев назад, – заключил Эйб.

– Ситуация изменилась, Эйб. Звони в Бриджпорт, Хартфорд и Новую Британию – пусть как можно быстрее пришлют нам копии дел.

Когда Кармайн вернулся в управление, Эйб и Кори встали из-за столов и проследовали в его кабинет, где уже лежали папки с делами. К ним добавились еще две, привезенные Кармайном. Он извлек из дел пять цветных фотографий и разложил в ряд. Девочки были похожи, как сестры.

Шестнадцатилетняя Нина Гомес, гватемалка из Хартфорда, исчезла несколько месяцев назад. Сравнительно светлая шестнадцатилетняя негритянка Рейчел Симпсон из Бриджпорта – шесть месяцев назад. Шестнадцатилетняя Ванесса Оливаро из Новой Британии была на треть китайкой, на треть белой и на треть чернокожей. Родители, уроженцы Ямайки, не видели ее уже восемь месяцев.

– Наш убийца предпочитает волнистые, но не курчавые волосы, и очень симпатичные, почти красивые лица определенного типа – с полными, хорошо очерченными губами, широко расставленными большими темными глазами и ямочками на щеках. Кроме того, он выбирает жертвы ростом не более полутора метров, с развитой фигурой и смуглой кожей, – подвел итог Кармайн, перебирая фотографии.

– Вы думаете, их убил один и тот же тип? – недоверчиво переспросил Эйб.

– Разумеется. Посмотрите, в какой среде они выросли. Богобоязненные уважаемые семьи, все, как на подбор, католические – кроме семьи Рейчел Симпсон, отец которой служит в епископальной церкви. Симпсон и Оливаро учились в старших классах местной школы, остальные ходили в католические школы, причем двое – в школу Святой Марфы в Норуолке. И время исчезновения – каждые два месяца одна девушка. Кори, садись на телефон, разузнай обо всех пропавших, соответствующих описанию, ну, скажем, за последние десять лет. Очень важны не только физические приметы, но и их социально-нравственный портрет, потому что я готов поручиться, что все эти девушки отличались... по крайней мере порядочностью, если слово «целомудрие» звучит слишком старомодно. Скорее всего они добровольно участвовали в раздаче бесплатных обедов нищим или безвозмездно работали в какой-нибудь больнице. Никогда не пропускали церковные службы, прилежно делали уроки, носили платья, прикрывающие колени, и никогда не красились – разве что иногда пользовались губной помадой.

– Таких девушек уже почти не существует в этом мире, – заметил Кори, крючконосое лицо которого стало грустным. – Если он похищал по одной каждые два месяца, значит, тратил на поиски уйму времени. Смотрите, как далеко он уезжал – в Норуолк, Бриджпорт, Хартфорд, Новую Британию. А почему нет девушек из Холломена? Правда, здесь убили Мерседес.

– На данный момент мы нашли только пятерых, Кори. Мы не узнаем, как он действует, пока не попробуем пройти по его следам. По крайней мере в Коннектикуте.

Эйб шумно сглотнул, и его лицо с перебитым носом сразу стало бледным и несчастным.

– Но мы же все равно не найдем трупы тех, кого он убил до Мерседес, верно? Он расчленил их и подбрасывал в холодильник, откуда они попадали прямо в крематорий.

– Скорее всего ты прав, Эйб, – сказал Кармайн, необычная подавленность которого бросалась в глаза его преданным спутникам. Прежде Кармайн брался за дело, двигаясь с грацией и неумолимостью линкора. Нынешнее расследование явно задело его за живое.

– Что еще можно сказать о преступнике, Кармайн? – спросил Кори.

– Что у него есть свои представления о совершенстве. Убитые девушки приближались к нему, но у каждой был какой-то изъян. Как родинка у Мерседес. Возможно, некоторые отшили его, не стесняясь в выражениях, а ему не нравились подобные слова из девственных уст. Добился он того же, что и любой насильник, – заставил жертвы страдать. Поэтому я пока не могу определить, к какой категории отнести его: к убийцам или насильникам. Да, он и тот и другой, но как он мыслил? Была ли в его действиях конкретная цель?

Кармайн поморщился.

– Нам известно, какие девушки ему нравились, а также то, что такие, как он, встречаются сравнительно редко. Даже призраков видят чаще, чем нашего убийцу. В Норуолке, где

случилось два похищения, полицейские прочесали весь город, обошли все школы, опросили сотни людей. Копы перебрали всех – от сборщиков пожертвований до мусорщиков, от почтальонов до продавцов, опрашивали мормонов, «Свидетелей Иеговы» и представителей всех миссионерских религиозных групп. Проверяли работников, снимающих показания счетчиков, сотрудников коммунальных и озеленительных организаций, аварийных служб и телефонных компаний. Полицейские даже сформировали мозговой центр и попытались вычислить, каким образом преступник вступал в контакт с жертвами, но так ничего и не добились. Никто не смог вспомнить ни единой полезной детали.

Кори вскочил.

– Пойду звонить, – сказал он.

– Ладно. Рассказывай про Хаг, Эйб, – велел Кармайн.

Эйб извлек блокнот.

– В Хаге работает тридцать человек с профессором Смитом во главе и мойщицей лабораторной посуды Эллодис Миллер, замыкающей цепочку. – Он вынул из папки два листа бумаги и протянул Кармайну: – Вот ваша копия списка с именами, датами рождения, должностями, продолжительностью работы и прочими сведениями, которые могут нам пригодиться. Опыт работы хирургом есть только у Сони Либман из оперблока. У двух иностранцев нет даже медицинских дипломов, а доктор Форбс признался, что может упасть в обморок, увидев обрезание.

Он откашлялся и перевернул страницу.

– В здании бывает немало людей, которые приходят и уходят в разное время, но их хорошо знают в лицо – это специалисты по уходу за животными, торговцы, доктора из школы медицины. У клининговой компании «Майти Брайт» контракт на уборку, которая проводится с полуночи до трех часов утра по понедельникам и пятницам, но опасными отходами компания не занимается. Ликвидация этих отходов – обязанность Отиса Грина. Он прошел особую подготовку и потому получает несколько долларов прибавки. Сомневаюсь, что «Майти Брайт» имеет какое-то отношение к преступлению, так как Сесил Поттер каждый вечер в девять часов возвращается в Хаг и запирает виварий надежнее, чем Форт-Нокс, чтобы уборщики не сунулись туда. Это же его ребяташки, его макаки. Стоит им услышать шум среди ночи, они закатят жуткий скандал.

– Спасибо, Эйб. Про «Майти Брайт» я не знал. – Кармайн благодарно взглянул на подчиненного. – У тебя сложилось какое-нибудь личное впечатление?

– Кофе у них дрянной, – сообщил Эйб, – да еще какой-то умник из нейрохимической лаборатории поставил тарелку с симпатичными конфетками – розовыми, желтыми, зелеными. Только это не конфеты оказались, а упаковочный полистирол.

– А ты и купился.

– Ага, купился.

– Что-нибудь еще?

– Только негативная информация. Мойщицу посуды Эллодис можно исключить – тупа как пробка. Сомнительно, что пакеты сунули в холодильник, пока Сесил и Отис были на дежурстве. Ручаюсь, это сделали позднее.

– А что известно о других холодильниках?

– Я нашел еще несколько, а всего их семь. Но к другим холодильникам подобраться не так легко, как в Хаге, – местных сотрудников там больше, в помещениях постоянно кто-то находится. Представляете, крыс у них – миллионы! Я и живых ненавижу, а уж мертвых и подавно, особенно после сегодняшнего. Словом, я бы ставил на Хаг.

– И я, Эйб.

Остаток дня Кармайн провел за столом, изучая папки с делами, и вскоре запомнил каждое чуть ли не наизусть. Все папки были довольно пухлыми. В каждом случае полиция при-

лагала к расследованию больше усилий, чем обычно. Исчезновения шестнадцатилетних девушек с дурной репутацией (иногда даже с приводами) мало кого удивляли, но эти пропавшие были совсем другими. «И их ничто не связывало, – думал Кармайн. Была бы связь, мы быстрее вышли бы на убийцу. Но нет трупа – нет и вещественных доказательств убийства. Сколько бы ни было трупов в этом деле, а сколько их было, пока неизвестно, все они попали в крематорий медицинской школы. Это гораздо удобнее, чем сжигать их, скажем, в лесу. В Коннектикуте много лесов, но люди там попадают чуть ли не на каждом шагу, к тому же нет таких чащоб, как в штате Вашингтон.

Чутье мне подсказывает, что головы жертв преступник сохранил на память, – думал Кармайн. – А если он избавлялся и от голов, значит, снимал девушек на пленку. Цветную, восьмимиллиметровую, возможно, сразу на несколько камер, чтобы во всех ракурсах запечатлеть страдания жертв и собственную власть. Я уверен: он из породы коллекционеров. Стало быть, он хранит или пленки, или головы – в морозильнике или в стеклянных банках с формалином. Сколько у меня было дел, в которых фигурировали такие сувениры? Пять. Но серийных убийц пока не попадалось. Это большая редкость! И потом, во всех предыдущих случаях оставались улики. А этот тип не оставил ни единой. Что он чувствует, когда смотрит записи или разглядывает головы? Ликует? Борется с разочарованием? Возбуждается? Раскаивается? Хотел бы я знать. Но я не знаю».

Отправившись ужинать в «Мальволио», Кармайн, заняв обычное место, понял, что не голоден, но остался, зная, что пропускать ужин нельзя. Расследование только началось и обещает быть затяжным; значит, ему понадобятся силы.

Официантка оказалась новенькой, поэтому пришлось диктовать ей чуть ли не по буквам все меню – от жаркого до рисового пудинга. Девушка была симпатичной. Кармайна она разглядывала, откровенно напрашиваясь на знакомство, но он сделал вид, будто ничего не заметил. И подумал, что официантка напомнила ему Сандру, которая тоже предпочитала первую попавшуюся работу, ожидая, пока подвернется стоящее дело, – она мечтала о карьере актрисы или модели. Тем более что от Холломена до Нью-Йорка рукой подать.

Каким урожайным на события оказался 1950 год! Кармайн стал детективом, построили Хаг и больницу Холломен, а Сандра Толли начала работать в «Мальволио». Кармайна она сразила наповал с первого взгляда. Рослая, прекрасно сложена, с длинными ногами, копной золотистых волос и широко расставленными близорукими глазами на изумительном лице. Сандра разослала портфолио во все нью-йоркские агентства, но позволить себе жить в Нью-Йорке не могла. И потому переселилась в Коннектикут, на расстояние двух часов езды поездом, где могла снять жилье за тридцать долларов в месяц и бесплатно питаться, работая официанткой.

Так продолжалось, пока ее амбиции не отступили при встрече с Кармайном Дельмонико. Не то чтобы он был красавцем, да и ростом не дотягивал даже до метра восьмидесяти, но его лицо, лицо искушенного мужчины, неизменно вызывало у женщин восторг, как и выступающие под одеждой накачанные мышцы. Кармайн и Сандра познакомились под Новый год, через месяц поженились, а через три она забеременела. София, их дочь, родилась в самом конце 1950 года. В те времена Кармайн снимал дом в Восточном Холломене, итальянском квартале города, и рассчитывал, что в окружении его родственников и друзей Сандре будет не так одиноко, даже если он заработается допоздна. Но Сандра выросла на ранчо в Монтане и не понимала образа жизни, характерного для Восточного Холломена. Когда мать Кармайна заходила проведать ее, Сандра считала, что старуха ей не доверяет. Со временем все визиты и приглашения друзей и родных она стала расценивать как проявление недоверия к ней.

До настоящей ссоры дело так и не дошло. Малышка была вылитая мама, что устраивало всех, а итальянцев особенно – их предки не зря ведь рисовали белокурых ангелочков.

Вместе с другими сослуживцами Кармайн стоял в очереди, чтобы заказать три билета в местный театр, куда привозили на обкат премьерные постановки для Бродвея. В конце 1951

года, когда Софии исполнился год, подошла его очередь на бесплатные билеты. Пьеса уже имела успех в Бостоне и Филадельфии, поэтому на нее рвался весь Нью-Йорк. Сандра пришла в восторг, надела свое самое роскошное платье без бретелек – атласное, облегающее тело как вторая кожа и расходящееся веером от колен – и белый норковый палантин, чтобы не замерзнуть под зимним ветром. Она отутюжила смокинг и рубашку Кармайна, купила даже гардению для бутоньерки. Ах как она радовалась! Точно ребенок, предвкушающий поездку в «Диснейленд».

Но вмешалась работа, и Кармайн не смог сопровождать жену в театр. Теперь, вспоминая прошлое, он даже радовался, что не видел ее лица, когда она обо всем узнала, – он позвонил ей с работы. Но Сандра все равно отправилась в театр – одна, в платье без бретелек из атласа цвета цикламена и белом норковом палантине. Когда она рассказывала мужу, как прошел вечер, ему было не в чем упрекнуть ее. Но она умолчала о том, что в фойе театра познакомилась с Майроном Менделем Мандельбаумом и он занял место Кармайна, хотя у него была собственная ложа у самой сцены.

Через неделю, вернувшись домой, Кармайн обнаружил, что Сандра и София исчезли. В краткой записке, которую он нашел на каминной полке, говорилось, что Сандра влюбилась в Майрона и отправилась к нему в Рено поездом. Майрон уже разведен и готов хоть завтра на ней жениться. И даже София пришлось кстати, так как своих детей Майрон иметь не мог.

Для Кармайна случившееся стало громом среди ясного неба. Только теперь он начал понимать, какой несчастной была его жена. Он не предпринял ни единого поступка из тех, что обычно совершают обманутые мужья: не выкрал дочь, не избил Майрона Менделя Мандельбаума, не запил, не махнул рукой на работу. И не потому, что некому было подбодрить его: возмущенные родственники охотно взяли бы на себя его обязанности и не понимали, почему Кармайн запрещает им это. А он просто признался себе, что их брак был мезальянсом, в котором главным было физическое влечение. Сандра жаждала блеска, славы, роскоши – жизни, которую он не мог ей дать. Ему платили неплохие, но отнюдь не баснословные деньги, и он был слишком влюблен в свою работу, чтобы окружать вниманием жену. Кармайн признавал, что Сандре и Софии во многих отношениях будет гораздо лучше в Калифорнии. Но как же больно было думать о них! В этом он не признался никому, даже догадливому Патрику. Просто похоронил воспоминания поглубже.

Каждый август он летал в Лос-Анджелес – провести Софию, которую любил всем сердцем. Но в этом году его встретила не малышка Софи, а точная копия Сандры, которую лимузин каждый день возил в шикарную школу, где купить выпивку, травку, кокаин и ЛСД было гораздо проще, чем сладости. Сандра в вихре голливудских вечеринок тоже подседала на кокаин. Воспитанием ребенка занимался только Майрон. К счастью, София унаследовала отцовскую пытливость и ум, а житейской мудрости набралась, наблюдая, как опускается ее мать. Три недели Кармайн и Майрон убеждали Софию: если она будет держаться подальше от всех этих соблазнов и займется своим образованием, жизнь у нее сложится гораздо удачнее, чем у Сандры. С годами Кармайн даже привязался к мужу Сандры, а благодаря Софии стал считать его почти родственником.

– Надо бы тебе опять жениться, Кармайн, – говорил Майрон, – чтобы наша девочка жила в более здоровой обстановке, чем здесь. Я буду чертовски скучать по ней, но понимаю, что так было бы лучше для нее.

Однако Кармайн так и не нашел Сандре замену. И у него была любовница Антония, вдова из Лайма и дальняя родственница. Натурой она была пылкой, страстной и ничего от него не требовала.

– Мы можем спускать пар, не сводя друг друга с ума, – говорила она. – Тебе не нужны капризы Сандры, а я никогда не найду замену Конуэю. Так что будем созваниваться, когда кому-нибудь из нас одиночество станет невтерпёж.

Эта устраивающая обе стороны договоренность существовала уже шесть лет.

Патрик появился в «Мальволио», когда Кармайн доедал рисовый пудинг – сливочное, сочное, сладкое месиво, щедро сдобренное мускатным орехом и корицей.

– Как там мистер Альварес? – спросил Кармайн.

Патрик пожал плечами.

– Ужасно. Он понял, почему мы показываем ему только родинку, и так рыдал, что я сам едва удержался от слез. Слава богу, при нем были священник и две монахини. Они чуть ли не на руках его унесли.

– Самое время для виски.

– На него я и рассчитывал.

Кармайн заказал два двойных ирландских виски и долго молчал, пока Патрик не выпил почти половину стакана и пока кровь не вернулась к его бледному лицу.

– Ты не хуже меня знаешь, как ожесточает наша работа, – заговорил Патрик, вертя стакан, – но чаще всего преступления бывают банально гнусными, а жертвы, хотя нам и жаль их, не преследуют нас во сне. Но это! Это не просто охота на ни в чем не повинных людей! Смерть Мерседес потрясла всю ее семью.

– Патси, дело обстоит хуже, чем ты думаешь. – Кармайн быстро огляделся и, убедившись, что их не подслушивают, рассказал о других девушках.

– Серийный убийца?

– Чтоб мне провалиться!

– Он уничтожает тех, кто в нашем обществе меньше всего заслуживает такой кары. Людей, которые никому не доставляют хлопот, не вытягивают деньги из правительства, не звонят и никому не жалуются на лай собак, на вечеринки у соседей, на грубиянов из налоговой. Этих людей мой дед-ирландец назвал бы солью земли, – заключил Патрик и залпом допил виски.

– Я согласился бы с тобой во всем, кроме одного пункта. Все погибшие были смешанной крови, и на это рано или поздно обратят внимание. Семьи погибших уже довольно долго живут в Коннектикуте, но корни у них карибские. Даже семья Рейчел Симпсон из Бриджпорта, как выяснилось, родом с Барбадоса. Значит, мы вполне можем иметь дело с проявлением расовой непримиримости.

Со стуком отставив пустой стакан, Патрик поднялся.

– Я домой, Кармайн. Иначе я застряну здесь и напьюсь.

Кармайн тоже не стал засиживаться. Он расплатился, дал официантке два доллара в память о Сандре и пешком прошел полквартиры к дому, где он жил. Его квартира располагалась восемью этажами ниже апартаментов доктора Хидеки Сацумы.

Глава 3

Пятница, 8 октября 1965 г.

«Холломен пост» и другие коннектикутские газеты пестрели сообщениями об убийстве Мерседес Альварес и исчезновении Верины Гаскон. Но ни одному, даже самому пронырливому репортеру не удалось выудить у полиции, действует ли в городе маньяк и какую роль играют в случившемся карибские корни жертв.

На своем столе Кармайн нашел сообщение, что Отиса Грина выписали из больницы, что он дома и рвется сделать заявление. Кроме него, повидаться с Кармайном хотел и Патрик. Эйб уехал в Бриджпорт собирать сведения о Рейчел Симпсон, Кори вел расследование по делу Нины Гомес из Хартфорда и Ванессы Оливаро из Новой Британии. Поскольку Гватемала находится на побережье Карибского моря, «карибской зацепке» придавалось особое значение.

Кармайн решил сначала поговорить с Патриком – стоило лишь подняться на лифте. Патрик сидел за столом, перед разложенными коричневыми бумажными пакетами.

– Тебя, наверное, уже тошнит от них, но мне об этих пакетах известно больше, чем тебе, – заявил Патрик, пока его двоюродный брат наливал себе свежего кофе.

– Выкладывай, – предложил Кармайн и сел.

– Как видишь, формы и размеры пакетов действительно разные. – Патрик взял образец размером тридцать на пятнадцать сантиметров. – В этот влезает шесть стограммовых крыс, в пакет побольше – четыре двухсотпятидесятиграммовые крысы. Для лабораторных исследований редко используются грызуны весом более двухсот пятидесяти граммов, но поскольку крысы продолжают расти до конца жизни, они могут достигать размеров кошки или даже мелкого терьера. Но никому в Хаге такие крупные крысы для опытов не нужны. – Он взял пакет размерами шестьдесят на сорок пять сантиметров. – По неизвестным мне причинам все кошки в Хаге – крупные самцы, кстати, и крысы – тоже самцы. И обезьяны. Вот пакет для кошек. Сегодня утром я успел побывать в Хаге и переговорить с мисс Дюпре, которая занимается всеми закупками и заказами на поставки. Эти пакеты изготовлены по специальному заказу компанией в Орегоне. Они состоят из двух слоев очень прочной коричневой бумаги, разделенных трехмиллиметровой прослойкой из жмыха сахарного тростника. Обрати внимание: снаружи на пакете есть два пластмассовых диска. Сложи верх пакета вдвое, и эти диски окажутся практически рядом. Проволоку, закрепленную на верхнем диске, обвивают восьмеркой вокруг нижнего, чтобы пакет не раскрылся. Точно так же мы запечатываем внутрислужебные конверты, только не проволокой, а ниткой. Труп животного может лежать в пакете семьдесят два часа, прежде чем тот начнет промокать, но ни один труп не хранят в пакетах так долго. Если животное умрет в выходные, его найдут только в понедельник – разумеется, если ученый не заглянет в лабораторию до начала недели. В этом случае он положит труп в мешок и сунет в один из морозильников на своем этаже. В понедельник утром лаборант отнесет его в холодильник вивария, а в крематорий пакет попадет не раньше утра вторника.

Кармайн поднес пакет к носу и сосредоточенно принюхался.

– Чувствую, их пропитывают дезодорантом.

– Правильно, по требованию мисс Дюпре. Надменная стерва!

– Это уж слишком! – закричал профессор встретившись с Кармайном в вестибюле Хага. – Вы читали, что написал в «Холлоумен пост» этот кретин, противник вивисекции? Мы, ученые, оказывается, садисты! Это вы виноваты, вы раструбили повсюду об убийстве!

Кармайн умел сдерживаться, но сегодня дал волю вспыльчивости.

– Если вспомнить, – саркастически начал он, – что я очутился в Хаге только из-за жестоких убийств ни в чем не повинных девочек, которые страдали так, как ни одно животное в ваших лабораториях, вам следовало бы подумать об этом, а не о противниках вивисекции, сэр! С какой стати вы переворачиваете все с ног на голову?

Смит пошатнулся.

– Убийств? Вы хотите сказать, их было несколько?

Придержи ярость, Кармайн, не дай этому ученому отшельнику повод разозлить тебя!

– Да, именно так! Не одно, не два, а гораздо больше! Вы должны знать об этом, профессор, однако эта информация строго засекречена. Пора вам отнестись к ней со всей серьезностью. Потому что убийство девушки, найденной в Хаге, – это одно из убийств в серии! Слышите? В серии убийств!

– Вы, должно быть, ошиблись!

– Нет, – отрезал Кармайн. – Придите в себя! Противники вивисекции – меньшая из ваших забот, и хватит надоедать мне жалобами!

Если поискать, в Яме можно было найти трехквартирные дома и похуже того, в котором жил Отис. В районе Пятнадцатой улицы, в логове Мохаммеда эль-Несра и его «черной бригады», дома просто разваливались, окна были заколочены фанерой, щели в стенах заткнуты изнутри матрасами. А здесь, на Одиннадцатой улице, дома были ветхими, краска облупилась, домовладельцы о ремонте и не думали, но когда все еще кипящий гневом Кармайн поднялся на второй этаж, в квартиру Грина, то увидел, что и ожидал: чистую комнату, самодельные шторы, чехлы на мебели, покрытые лаком деревянные полы и тряпичные коврики.

Отис лежал на диване. В свои пятьдесят пять лет он был довольно подтянутым, но его кожа обвисла так, что становилось ясно: когда-то он весил килограммов на двадцать больше. Его жена Селеста была настроена по-боевому. Она выглядела помоложе Отиса и одевалась с элегантною броскостью, которую Кармайн считал уместной, как только узнал, что Селеста родом из Луизианы. Офранцузившаяся особа. Третьим присутствующим был молодой чернокожий мужчина, манерами похожий на Селесту, но уступавший ей и внешностью, и одеждой. Его представили как Уэсли Леклерка, племянника Селесты, проживающего у Гринов. Взглянув в глаза Уэсли, Кармайн понял, что он никогда не забывает о страданиях, принятых его народом.

Ни жена, ни племянник не собирались покидать комнату, но просить их об этом Кармайну не пришлось: вмешался Отис.

– Оставьте нас, – приказал он.

Оба немедленно вышли. Селеста пообещала Кармайну страшные кары, если ее мужу станет хуже.

– У вас преданные родственники, – заметил Кармайн, присаживаясь на большой пуф из прозрачного полиэтилена в алых розах.

– У меня преданная жена, – поправил Отис и фыркнул. – А с этим парнем хлопот не оберешься. Мечтает прославиться в «черной бригаде», твердит, что нашел пророка Мохаммеда, велит называть его Али или что-то в этом роде. Поиски своих корней – обычное дело для людей, чьих предков продавали в рабство, но, насколько мне известно, Леклерки родом из тех районов Африки, где молились Кинг-Конгу, а не Аллаху. Я живу по старинке, лейтенант, не корчу из себя невесту кого, хожу себе в баптистскую церковь, а Селеста – в католическую. Я черный, который служил в армии белых, но если бы победили немцы и япошки, мне пришлось бы куда тяжелее. Так я понимаю. У меня есть немного денег в банке, и когда я уйду на пенсию, то переберусь в Джорджию и займусь фермерством. Вот где у меня, – он коснулся ребром ладони шеи, – сидят коннектикутские зимы. Но я не о том хотел поговорить с вами, сэр.

– А о чем же, мистер Грин?

– Просто Отис. Хотел все прояснить. Сколько человек знает о том, что труп в холодильнике нашел я?

– Почти никто не знает, и мы скрываем эту информацию.

– Это была девочка?

– Нет. По крайней мере не маленькая. Нам известно, что она выросла в семье доминиканцев и что ей было шестнадцать лет.

– Значит, она черная, а не белая.

– Я бы сказал, ни то ни другое, Отис. Полукровка.

– Лейтенант, но ведь это страшный грех!

– Да, вы правы.

Кармайн сделал паузу, пока Отис что-то неразборчиво бормотал. Дождавшись, когда он успокоится, Кармайн заговорил о пакетах.

– Скажите, Отис, вы обращаете внимание на количество и размеры пакетов в холодильнике?

– Пожалуй, да, – поразмыслив, ответил Отис. – То есть я знаю, когда миссис Либман делает децеребрацию – после этого в холодильнике лежат четыре-шесть пакетов с кошками. А

в другие дни там лежат чаще всего пакеты с крысами. Когда умирает макака, пакет получается гораздо больше, но я всегда знаю заранее, что там, потому что Сесил рыдает так, что аж сердце разрывается.

– Значит, когда видите в холодильнике четыре или шесть пакетов с кошками, вы знаете, что миссис Либман проводила децеребрацию.

– Верно, лейтенант.

– Вы можете вспомнить, когда в холодильнике скапливались кошачьи пакеты, а миссис Либман была ни при чем?

Отис изумленно открыл глаза и попытался сесть.

– Отис, вы хотите, чтобы ваша жена убила меня и угодила за решетку? Сейчас же ложитесь!

– Месяцев шесть назад. Шесть пакетов с кошками, а миссис Либман была в отпуске. Помню, я еще гадал, кто ее замещает, но потом меня позвали, и я просто покидал пакеты в бак и увез в крематорий.

Кармайн поднялся.

– Вы очень помогли нам. Спасибо, Отис.

Не успел он выйти за порог, как в комнату вернулись Селеста и Уэсли.

– С тобой все хорошо? – взволнованно спросила Селеста.

– Мне лучше, чем до его прихода, – твердо заявил Отис.

– Какого цвета была кожа у трупа? – допытывался Уэсли. – Коп не говорил?

– Не белого, но и не черного.

– Мулатка, значит?

– Этого он не сказал. Так в Луизиане говорят, Уэс.

– Мулаты не белые, а цветные, – удовлетворенно заключил Уэсли.

– Да хватит тебе делать из мухи слона! – прикрикнул на него Отис.

– Пойду проведу Мохаммеда, – отозвался Уэсли и подтянул молнию на черной куртке из искусственной кожи, с нарисованным на спине по трафарету белым кулаком.

– Не к Мохаммеду, сынок, а работать, сию же минуту! Социальное пособие тебе не светит, а я держать тебя здесь из милости не стану! – отрезала Селеста. – Давай поторапливайся!

Со вздохом Уэсли взял пропуск в штаб-квартиру Мохаммеда эль-Несра в доме 18 на Пятнадцатой улице, набросил пуховик и погнал свой побитый «де сото» 1953 года к зданию фирмы «Хирургические инструменты Парсона».

Для Кармайна день выдался тяжелым. На столе продолжали скапливаться дела пропавших девочек, похожих на Мерседес. Их было уже шесть: из Уотербери, Холломена, Миддлтауна, Данбери, Меридена и Торрингтона. За почти два года преступник повторился лишь однажды, выбрав жертвы в Норуолке. Все шестнадцатилетние девочки были полукровками, с карибскими корнями, но ни одна не принадлежала к семье недавних эмигрантов. Пуэрто-Рико, Ямайка, Багамы, Тринидад, Мартиника, Куба. Полтора метра ростом, очень хорошенькие, с развитыми формами, на редкость воспитанные. Все новоприбывшие были католичками, но не все учились в католических школах. С парнями не встречались, учились только на «отлично» и пользовались популярностью у одноклассников. И самое важное: ни одна из пропавших девочек не признавалась подругам или родственникам, что у нее появились новые друзья, новые занятия или хотя бы новые знакомые.

В три часа дня Кармайн отправился в Норуолк, где лейтенант Браун организовал для него встречу с семьей Альварес у них дома. Браун поспешно добавил, что сам присутствовать не сможет, и Кармайн понял его. Джо был не в силах снова смотреть в глаза Альваресам.

Хосе Альваресу принадлежал трехквартирный дом. Сам он с женой и детьми жил на нижнем этаже, а квартиры на втором и третьем сдавал. Так жил весь рабочий люд: возмещали арендную плату и оплачивали ипотеку и коммунальные расходы благодаря квартире на втором

этаже, а доход, который приносила квартира на третьем, пускали на ремонт и откладывали на черный день. Живя внизу, семья получала в свое распоряжение задний двор, половину гаража на четыре машины и подвал.

Как и все соседние дома, этот был выкрашен в темно-серый цвет. Двойные рамы окон на лето заменялись сетками от насекомых, веранда выходила прямо на тротуар, большой двор был обнесен высокой сетчатой оградой, а гараж располагался позади дома, перпендикулярно к нему, и был обращен к подъездной дорожке. Стоя на улице под кроной высокого дуба и разглядывая дом, Кармайн слышал лай крупной собаки: при таком стороже едва ли кто-то мог вломиться в дом через заднюю веранду.

Священник открыл дверь. Она была отделена от двери, ведущей в квартиры верхних этажей, небольшим коридором. Кармайн улыбнулся ему.

– Сожалею, святой отец, но этот разговор необходим, – начал он. – Меня зовут Кармайн Дельмонико. Как мне здесь представиться – лейтенантом или Кармайном?

Подумав, священник сказал:

– Думаю, лучше лейтенантом. Меня зовут Барт Тезорьеро.

– Вам приходится говорить с прихожанами по-испански?

Отец Тезорьеро открыл внутреннюю дверь.

– Нет, хотя среди моих прихожан немало латиноамериканцев. Это старый район города, все они живут здесь уже давно. Район не криминальный, это уж точно.

В довольно просторной гостиной было многолюдно, но очень тихо. Сам итальянец, Кармайн понял, что родственники Альваресов съехались отовсюду, чтобы помочь им пережить беду. Священник выпроводил на кухню всех, кроме близкой родни. Ему помогала старуха с малышом на руках.

В гостиной остались Хосе Альварес, его жена Кончита, их старший сын Луис и три дочери – Мария, Долорес и Тереза. Отец Тезорьеро усадил Кармайна в лучшее кресло, а сам сел между супругами.

В этом доме любили кружевные салфеточки и кружевные занавески. Портьеры из синтетического бархата, солидная, хотя и не новая мебель, потертые ковры на терракотовых плитках пола. На стенах висели репродукции «Тайной вечери», «Крещение Христа» и «Мадонны Литты», а также многочисленные семейные фотографии в рамках. Повсюду были расставлены вазы с цветами, в каждом букете белела карточка. От удушливого аромата фрезий и жонкилей у Кармайна закружилась голова. Откуда они у флористов в такое время года? В центре каминной полки, перед портретом Мерседес в серебряной рамке, горела свеча в красном стеклянном подсвечнике-бокале.

Входя в дом людей, понесших тяжелую утрату, Кармайн обычно старался представить себе, как они выглядели до трагедии. Но здесь все присутствующие были на редкость хороши собой, у всех кожа имела оттенок кофе с молоком. Немного негритянской крови, немного крови карибских индейцев, но главная – испанская. Родителям было лет под сорок, но сейчас они выглядели пятидесятилетними и сидели, как две тряпичные куклы, погрузившись в прозрачный мир своих страшных дум. Кармайна они будто не видели.

– Ты Луис? – обратился он к мальчику с опухшими, красными от слез глазами.

– Да.

– Сколько тебе лет?

– Четырнадцать.

– А твоим сестрам? Им сколько?

– Марии двенадцать, Долорес десять, Терезе восемь.

– А младшему брату?

– Франсиско три.

На глаза Луиса снова навернулись слезы – тоскливые, безнадежные. На миг его сестры оторвались от насквозь промокших платков, и Кармайн увидел их глаза – в них было столько молчаливого страдания, что ему стало не по себе. Он понял, что они знают все.

– Луис, ты не мог бы увести сестер на кухню, а потом вернуться на минуту?

Отец семейства наконец-то взглянул на гостя.

– Мистер Альварес, может быть, отложим разговор еще на несколько дней? – мягко спросил Кармайн.

– Нет, – прошептал Хосе Альварес, глаза которого были сухими. – Мы выдержим.

– Вы – может быть, а я? – Луис вернулся, успев утереть слезы.

– Луис, вопросы будут все теми же. Я понимаю, вам задавали их много раз, но память иногда скрывает от нас детали, а затем вдруг выдает их без какой-либо причины, поэтому нам и приходится снова и снова спрашивать об одном и том же. Насколько мне известно, вы с Мерседес учились в разных школах, но мне говорили, что вы были друзьями. На таких милых и милых девушках, как Мерседес, многие обращают внимание, это естественно. Она никогда не рассказывала, что с ней пытаются познакомиться? Следят за ней? Наблюдают из автомобиля или, может быть, с противоположной стороны улицы?

– Честное слово, лейтенант, никогда. Многие мальчишки при виде ее присвистывали, но она на них и не глядела.

– А когда она работала в больнице прошлым летом?

– Она рассказывала мне только о пациентках и о том, как добры к ней сестры. Ее никуда не пускали, кроме родильного отделения. Ей там очень понравилось.

Он снова расплакался. Кармайн кивнул в сторону кухни, отпуская его.

– Прошу прощения, – сказал он мистеру Альваресу, когда мальчик ушел.

– Мы понимаем, лейтенант, расспросы – это ваша работа.

– Скажите, сэр, Мерседес была доверчивым ребенком? Она делилась секретами с вами или с матерью?

– Постоянно делилась с нами. Она любила поговорить о своей жизни, которая так нравилась ей. – У Альвареса перехватило горло, и он вцепился в подлокотники кресла. Его глаза стали неподвижными, а мать Мерседес словно смотрела в глубины преисподней. – Лейтенант, нам рассказали, что с ней сделали, но в это почти невозможно поверить. Нам объяснили: дело Мерседес расследуете вы и вам известно, что стало с ней, лучше, чем полицейским Норволка... – В его голосе послышались умоляющие нотки. – Пожалуйста, скажите мне правду! Ее... моя малышка мучилась?

Кармайн сглотнул, наткнувшись на этот взгляд, как на кол.

– Это известно только Богу, но вряд ли он способен на такую жестокость. Такие убийства совершают не для того, чтобы увидеть страдания жертвы. Скорее всего преступник усыпил Мерседес, чтобы действовать без помех. В одном я могу вас заверить: у Бога и в мыслях не было причинять ей страдания. Если вы верите в него, тогда поверьте и в то, что она не мучилась.

«Да простит мне Бог эту ложь, – думал Кармайн, – но разве я могу сказать правду убитому горем отцу? Вот он сидит, мертвый разумом и духом, а шестнадцать лет любви, заботы, тревог, радостей и мелких огорчений развеялись как дым над трубой крематория. Зачем мне растревать его раны? Ему еще предстоит собраться с силами и продолжать жить, в нем нуждаются еще пятеро детей и жена, сердце которой не просто разбито – оно перемолото».

– Спасибо вам, – вдруг произнесла миссис Альварес.

– Спасибо, что вытерпели мои расспросы, – отозвался Кармайн.

– Вы безмерно утешили их, – сказал отец Тезорьеро по пути к двери. – Но ведь на самом деле Мерседес мучилась?

– Насколько я понимаю, неопишимо. Трудно заниматься моей работой и верить в Бога, святой отец.

На улице появились два журналиста – один с микрофоном, другой с блокнотом. Заметив Кармайна, оба ринулись к нему.

– Кыш, стервятники! – рявкнул он, забрался в машину и рванул прочь.

Проехав несколько кварталов и убедившись, что репортеры не висят у него на хвосте, Кармайн свернул на обочину и дал волю чувствам. Мучилась ли она? Еще как! Она страшно мучилась, а ее мучитель сделал все возможное, чтобы она не потеряла сознание раньше времени. Последним, что она увидела в жизни, скорее всего была ее собственная кровь, исчезающая в отверстии стока, но об этом ее родные не должны узнать. Этот мир захватывает дьявол. А воины добра проигрывают битву за битвой.

Глава 4

Понедельник, 11 октября 1965 г.

День Колумба не входил в число государственных праздников. И члены правления Центра неврологических исследований имени Хьюлинга Джексона ровно в одиннадцать часов собрались в конференц-зале на четвертом этаже. И хотя его никто не приглашал, Кармайн тем не менее твердо решил присутствовать на заседании. Он прибыл пораньше, наполнил чашечку тонкого фарфора из общественного кофейника, положил на хрупкую фарфоровую тарелку два пончика и уселся в дальнем конце зала, лицом к окну.

Мисс Дездемона Дюпре, войдя в зал и увидев, как Кармайн уписывает за обе щеки угощение, приготовленное для членов правления, назвала его поступок наглостью.

– Знаете, вам очень повезло, – услышала она в ответ. – Если бы архитекторы больницы Холломена не разместили стоянку перед зданием, вид отсюда был бы совсем не тот. А так панорама открыта до самого Лонг-Айленда. Чудесный день, правда? Наступает лучшая пора осени, и если вяза внушают мне чувство скорби, то кленам нет равных в яркости. Их листья – таких разных оттенков, такая гармония спектра...

– Не думала, что вам хватит словарного запаса на такую тираду! – перебила его мисс Дюпре. Ее глаза стали ледяными. – Вы сидите на месте председателя правления и едите то, что приготовлено не для вас! Будьте любезны сейчас же покинуть зал!

В этот момент появился профессор. Заметив лейтенанта Дельмонико, он тяжело вздохнул.

– Боже, о вас я не подумал, – сказал он Кармайну.

– Нравится вам это или нет, профессор, но я должен присутствовать здесь.

Прежде чем профессор успел ответить, вошел Моусон Макинтош из университета Чабба. Он засиял при виде Кармайна и тепло пожал ему руку.

– Кармайн! Я знал, что Сильвестри поручит это дело вам, – заявил Моусон – так обычно звали президента все, кто его знал. – Я несказанно рад. Садитесь здесь, рядом со мной. Только не вздумайте, – добавил он заговорщицким шепотом, – портить себе аппетит пончиками. Рекомендую яблочный кекс.

Мисс Дездемона Дюпре, сдерживая ярость, удалилась, чуть не столкнувшись в дверях с деканом Даулингом и профессором неврологии Фрэнком Уотсоном – тем самым, который ввел в обращение злополучные названия «Хаг» и «хагисты».

Макинтош, которого Кармайн хорошо знал по нескольким щекотливым внутренним делам Чабба, был настоящим американцем. Рослый, всегда элегантно одетый и подтянутый, с шапкой густых волос, золотисто-каштановый оттенок которых с возрастом превратился в медный. Американский аристократ до мозга костей! Когда он появлялся в обществе президента США Линдона Джонсона, тот выглядел рядом с Моусоном довольно бледно, несмотря на свой рост. Впрочем, августейшие особы с такой родословной, как у Макинтоша, предпочитали управлять большим университетом, а не разнузданной шайкой скандалистов в конгрессе.

Декан Уилбур Даулинг с виду был типичным психиатром: неряшливо одет в твид и фланель, розовый галстук-бабочка в красный горошек. Он носил кустистую каштановую бородку, чтобы хоть как-то компенсировать полное отсутствие волос на голове, и смотрел на мир сквозь бифокальные очки в роговой оправе.

Кармайн видел Фрэнка Уотсона всего несколько раз, и тот неизменно напоминал ему злодея Бориса из «Приключений Рокки и Буллвинкля». Уотсон носил черные костюмы, верхнюю губу на его длинном тонком лице украшали черные усики альфонса, прилизанные черные волосы и вечная ухмылка довершали сходство с Борисом. Да, Фрэнк Уотсон был из тех людей, которые в любой момент могли брызнуть ядом. Но разве он входит в правление Хага?

Оказалось, нет. Уотсон закончил разговор с деканом и ускользнул. «Любопытный тип, – подумал Кармайн. – Надо бы его прошупать».

Пятеро Парсонов явились одновременно и не стали протестовать против присутствия Кармайна после того, как Моусон представил его, рассыпавшись в похвалах.

– Если кто-нибудь и способен разобраться в этом возмутительном преступлении, так только Кармайн Дельмонико, – заключил Макинтош.

– В таком случае, – отозвался Роджер Парсон-младший, занимая место в конце стола, – предлагаю всем оказать содействие лейтенанту Дельмонико. Разумеется, после того, как он введет нас в курс дела и объяснит, что намерен предпринять.

Парсоны были настолько похожи, что любой принял бы их за близких родственников; даже тридцать лет разницы между тремя старшими и двумя младшими членами клана не играли роли. Все – чуть выше среднего роста, худощавые, сутулые, с длинными шеями, крючконосые, с выдающимися скулами, опущенными уголками губ и жидкими волосами неопределенного коричневатого цвета. Глаза у всех – серовато-голубые. Если Моусон производил впечатление царственного магната, то Парсоны – нищих ученых.

Часть выходных Кармайн потратил, собирая сведения о членах правления и империи Парсона. Ее основатель Уильям Парсон (дядя нынешнего главы правления) начинал с производства деталей машин, постепенно расширяя свои владения, пока не стал выпускать буквально все – двигатели, турбины, хирургические инструменты, пишущие машинки и снаряды. «Банк Парсона» появился как раз вовремя, усилив империю. Уильям Парсон женился довольно поздно, его жена родила сына, Уильяма-младшего, который оказался умственно отсталым эпилептиком. Сын Парсона умер в 1945 году, в возрасте семнадцати лет, его мать – в 1946 году. Уильям Парсон остался один. Его сестра Юджиния вышла замуж и родила единственного ребенка – Ричарда Спейта, нынешнего главу «Банка Парсона» и члена правления Хага.

Брат Уильяма Парсона, Роджер, с юных лет пристрастился к выпивке. В 1943 году он бежал в Калифорнию, прихватив значительную долю капитала компании и бросив жену с двумя сыновьями. Инцидент замяли, потерю пережили, а оба сына Роджера оказались преданными, надежными и на удивление способными наследниками Уильяма. Их сыновья были скроены по той же мерке. В итоге компания «Парсон продактс» уже не первое десятилетие входила в число выгодных «голубых фишек». Депрессии? Чушь! Люди не перестанут водить автомобили, которым нужны двигатели; компания «Турбины Парсона» выпускала дизельные турбины и генераторы задолго до появления реактивных самолетов; девушки как стучали по клавишам пишущих машинок, так и продолжают стучать; хирургических операций проводится все больше, а страны воюют друг с другом, и им нужны пулеметы, гаубицы и минометы всевозможных калибров, выпускаемых компаниями Парсона.

Кармайн выяснил, что паршивая овца семейства, Роджер, в Калифорнии вдруг протрезвел, основал сеть ресторанов «Ребрышки от Роджера», женился на старлетке и жил припеваючи, пока не испустил дух верхом на шлюхе в каком-то убогом мотеле.

Хаг был обязан своим появлением желанию Уильяма Парсона – тот хотел оставить хоть какую-то память о покойном сыне. Естественно, руководство университета Чабба рассчитывало возглавить институт и управлять им, но это не входило в намерения Парсона. Он хотел сотрудничать с Чаббом, но не передавать ему бразды правления. Руководство Чабба сдалось, только когда ему был предъявлен ужасающий по своей сути ультиматум. Уильям Парсон заявил: если понадобится, основанный им исследовательский центр будет присоединен к самому незначительному, не входящему в «Лигу плюща» провинциальному учебному заведению штата. Услышав это обещание от такого преданного «чаббиста», как Уильям Парсон, Чабб понял, что проиграл. Впрочем, свой кусок пирога он так или иначе не упустил: за право присоединения Хага университет ежегодно получал почти двадцать пять процентов бюджета.

Кармайн узнал также, что правление собирается раз в три месяца. Четыре Парсона и кузен Спейт приезжают из Нью-Йорка в лимузине и останавливаются в люксах отеля «Кливленд» напротив театра, где проводят вечер после собрания. Моусон всегда устраивает в честь попечителей ужин, надеясь уговорить Парсонов финансировать строительство здания, где когда-нибудь разместится коллекция произведений искусства, принадлежавших Уильяму Парсону. Эта богатейшая коллекция Америки отошла Чаббу согласно завещанию Уильяма Парсона, но дату ее передачи знали только наследники, а те до сих пор не решились расстаться ни с одним наброском Леонардо.

Заметив, что профессор протянул руку, чтобы включить громоздкий катушечный магнитофон, Кармайн поспешил остановить его:

– Прошу прощения, профессор, собрание абсолютно конфиденциальное.

– Но... но протокол! Я думал, если уж мисс Вилич нельзя присутствовать, она сможет составить протокол по магнитофонной записи.

– Никакого протокола, – решительно заявил Кармайн. – Все сказанное здесь не должно покинуть пределы этой комнаты.

– Ясно, – резким тоном произнес Роджер Парсон-младший. – Продолжайте, лейтенант Дельмонико.

Когда Кармайн умолк, изложив происшедшее во всех подробностях, в конференц-зале воцарилась такая тишина, что легкий шум ветра за окнами показался мощным ревом. Слушатели сидели бледные, подавленные, с вытянутыми лицами. Кармайн впервые видел Макинтоша выбитым из колеи, хотя встречался с ним не раз. Но полностью смысл его речи дошел, вероятно, только до декана Даулинга, психиатра, специализирующегося на органических психозах.

– Не может быть, чтобы это сделал кто-то из Хага, – пробормотал Роджер Парсон-младший, промокая губы салфеткой.

– Это еще предстоит выяснить, – отозвался Кармайн. – У нас нет конкретных подозреваемых, а это значит, что все сотрудники Хага под подозрением. Кстати, мы не можем исключить и персонал медицинской школы.

– Кармайн, неужели вы и вправду считаете, что по меньшей мере десять из пропавших девочек были кремированы? – спросил Моусон.

– Да, сэр, считаю.

– Но ведь у вас нет никаких доказательств.

– Вы правы, нет. На эту мысль наводит логика, но она подтверждается всеми известными нам фактами: если бы не прихоть случая, Мерседес Альварес была бы кремирована и исчезла без следа еще в прошлую среду.

– Отвратительно... – прошептал Ричард Спейт.

– Это Шиллер! – выкрикнул Роджер Парсон-третий. – По возрасту он вполне мог быть нацистом! – И он в ярости обернулся к профессору: – Я же запретил вам брать на работу немцев!

Роджер Парсон-младший громко застучал по столу.

– Довольно, Роджер! Доктор Шиллер слишком молод, чтобы быть нацистом; правлению незачем строить подобные догадки. Я считаю, что профессор Смит нуждается в поддержке, а не в упреках. – По-прежнему раздраженный неожиданной вспышкой сына, он повернулся к Кармайну: – Лейтенант Дельмонико, я чрезвычайно признателен вам за откровенность, хоть она и сурова. Я призываю всех присутствующих молчать об этой трагедии. Впрочем, – страдальческим тоном добавил он, – полагаю, какие-то сведения все равно просочатся в прессу.

– Подобное неизбежно, мистер Парсон, рано или поздно это все равно случится. Расследование проводится в масштабе штата. С каждым днем о нем узнает все больше людей.

– И ФБР? – уточнил Генри Парсон-младший.

– Пока еще нет, сэр. Грань между пропажей без вести и похищением очень тонка, но у родных пропавших девочек никто не требовал выкупа, поэтому сведения о деле пока не выходят за пределы Коннектикута. Уверяю вас, мы обратимся за помощью к любым организациям, которые смогут ее оказать, – пообещал Кармайн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.